А. Черняев

Проект.

Советская политика 1972-1991 гг.- взгляд изнутри

1981 год.

1981 год.

18 января 81 г.

14-17 января был в Рязани! Послан избираться делегатом на XXVI съезд КПСС. Неожиданность, о которой мне сообщил еще в «Сосны» (санаторий под Москвой) Смольский (зам. зав. Оргпартотдела ЦК) и очень меня поздравлял. Но я подозреваю, что это мне – «отступное», чтоб не выбирать больше в ревизионную комиссию.

Я очень волновался в связи с этой поездкой. Загладин, который по этому же поводу ездил в Орел, взахлеб мне рассказывал и поучал: мол, он два раза там выступал, принят был на «ура». А потом от имени ЦК проводил Пленум нового обкома – по выборам первого секретаря. И какой прощальный обед они ему закатили, и как в полном составе все новое бюро сажало его в поезд.

Я отнекивался… и потом шутил насчет умения Загладина быть везде на самом верху и везде уместно фигурять на первом плане. «Это не для меня», - решил я. Мучило меня только одно – выступление (и Смольский, и его шеф Петровичев говорили, что «надо»). Что я буду говорить этим людям? О международном положении? О том, какой плохой Рейган и поляки? Об МКД? Может быть и любопытно, но это ведь не лекция. Это - на конференции, где люди будут говорить о том, как они кормят вот таких, как я!

Все прошлое воскресенье я просидел над речью. Какие-то всхлипы и сопли намазал. Потом самому даже стало нравиться. Но внутри все точило – «не то!», «не то!» Нельзя с этим вылезать!

29 января 81 г

Рязань быстро стерлась пустяками и бумажным круговоротом каждодневности. Пономарев даже не поинтересовался, как меня избрали на съезд, как я проводил Пленум обкома и избирал первого секретаря. И вообще – что там было и что я думаю о народе, чье «сало мы едим» (согласно сталинско-михалковской басне).

Зато несколько раз понукал, чтоб консультанты подготовили «вставки» в речь братских делегаций на XXVI съезде, и чтоб там было о поддержке нашей политики и сплочении вокруг СССР, и чтоб – уже совсем фантастика(!) – эти «вставки» взяли в свои речи влиятельные партии!

Поток справок-памяток для тех, кто будет работать с делегациями…Изощренная контраргументация по поводу слабостей наших – в экономике и демократии, - против того, что на Западе самое популярное в оценке Советского Союза.

Вчера Б.Н. позвал…, как-то интимно улыбается. Говорит, что, оказывается, «другие» (т.е. другие члены Политбюро и секретари) не ограничились замечаниями по тексту Отчетного доклада, разосланного Брежневым, а письменно выразили свои восторги. Вот, мол, сижу, пишу, посмотрите. Подходит, если сказать, что доклад «достоин нашей великой партии»? И т.д. в этом духе. Я, не зная текста, должен был сидеть напротив и подсказывать высокие слова. Бедный Б.Н.! Прошел такую школу, и все еще никак не может освободиться до конца от ленинских традиций.

Загладин приехал из Завидово. Рассказывает об общении с Брежневым. Смакует, якобы, случайные реплики, из которых, например, следует, что песенка Афанасьева, как главного редактора «Правды», спета, или – шутка: на съезде будет не 5000 делегатов, а 5002… Почему не спрашиваете, кто эти два?.. «Коля» и «Саша» (т.е. Шишлин и Бовин).

Поразило меня, с каким злорадством Загладин рассказывал о «падении» Афанасьева. Он для него в один момент перестал быть человеком. Помнится, когда пять лет назад, узнав о его назначении, я невпопад при Загладине, высказал свой скептицизм в отношении Афанасьева – и как человека, и как деятеля. Загладин стал решительно меня опровергать.

Или об Иноземцеве, который сидел напротив Брежнева за обеденным столом… О хорошем супе и находчивости академика… Боже! Как уродуются человеческие отношения в такой ситуации – в общении с человеком абсолютной власти и полностью чуждым тому, что отличало Ленина, как личность и политика.

Сталин любил Меньшиковых и умел их создавать или выбирать. Брежнев любит способных на перо жополизов, что, впрочем, к Иноземцеву не относится.

Читаю В.А. Кувакина «Религиозная философия в России» (начало XX века). Такая книга была невозможна еще пять лет назад. Опять все тоже – смотрят сквозь пальцы на стихийное свободомыслие, если оно прямо не трогает устои личной власти. А я знакомлюсь с книгами и авторами, о которых узнал еще в школе на Вадковском переулке, в библиотеке под «Зигелевой» обсерваторией, оставшейся от ее строителей в начале века (Зеленко и Шацкого). Почему-то они не попали под цензуру. Впрочем, тогда охотились за троцкистской литературой и не придавали значения какому-то там Бердяеву, Розанову, Булгакову и проч.

Любопытные открытия.

А еще – потрясающий роман в «Иностранной литературе» за № 1 американца У. Стайрона «Софи делает выбор», вернее две последних главы романа, целиком его, оказывается, нельзя было напечатать по причине изобилия секса. Сильная вещь, как и вообще американская литература 70-ых годов. Что-то с ними происходит в этом смысле. Общеамериканская культура (культурность) идет вниз, а литература вышла на верхотуру мировой.

Горбачев. Канада – сельскохозяйственные отношения. Вспомнил о поездке с ним в Бельгию в 1972 году, тогда он еще был секретарем крайкома. Производит впечатление умного, по-настоящему партийного, сильного человека на своем месте – в ЦК, в ПБ. Но явно не выдержит испытания властью: фамильярен с людьми.

31 января 81 г.

Был у друзей на 42-ом километре. В бурных дискуссиях разъяснял им, что «литературную» стихию уже не остановить и что Демичев, чтоб не связываться и не оказаться перед начальством в роли не справившегося, пустил все на самотек и смотрит сквозь пальцы. Причем Демичев – имя собирательное=весь культконтроль. Главное, чтоб не трогали личную власть, «не достигали бровей», что, естественно, отождествляется и с советской властью, и с марксизмом-ленинизмом, и с партийностью.

Американцы (Рейган-Хейг) сменили пластинку Картера (у того – «права человека»), у этих: Москва – источник и центр международного терроризма. Наши всполошились, но опять же по линии лишь пропагандистского отпора, в то время, как надо было давно и регулярно обозначать свою (ленинскую) позицию по терроризму и по линии Громыко предлагать всякие меры, участвовать и затевать всякие обсуждения и совместные решения против этой реальной (и для нас) угрозы. Вчера вечером возился по этому поводу по указанию Б.Н., который сказал: надо бы сначала пресечь в наших mass media сомнительные симпатии некоторым террористическим действиям, а потом уже давать отпор Хейгу. Потом Замятин привязался: тому – лишь бы погромче крикнуть, - а у вас, мол, (американцев) негров вешают…

В Польше, судя по последнему совещанию Кани с секретарями воеводских комитетов, дело идет к тому, что двоевластие превращается в одновластие «Солидарности». Поразительно, как за 2-3 месяца фактически возник «свой» и партийный, и государственный аппарат по всей стране. Часто в нем уже больше людей, чем в официальных аппаратах при Гереке. И «Солидарность» практически может делать, что хочет. В забастовочном плане ей беспрекословно подчиняются около 70 % населения (работающего). Наш посол Аристов уже настаивает на крутых мерах: надо, мол, от Кани потребовать «чрезвычайного положения».

А ПОРП, действительно, разваливается и недееспособна, не говоря уже об авторитете. Правительство – тем более.

Хейг в ответ на поздравления Громыко (с вступлением на пост) опять предупредил нас насчет «интервенции» - самые «страшные» фразы… (кроме ядерной войны – всё! - в духе их договоренности в НАТО). До съезда мы вроде бы и не собираемся этого делать. И не потому, что обстановка с нашей точки зрения еще не созрела, а чтоб не смазать «грандиозности» своего мероприятия и «не отвлекаться»…

8 февраля 81 г.

Приближается съезд. Б.Н., конечно, подсуетился в связи с «терроризмом» (обвинения Рейгана-Хейга). На Политбюро решили ужесточить миролюбивые пассажи в отношении США. (Они, действительно, были на редкость покладистые и доброжелательные). Так вот: Б.Н. тут как тут. Прибежал и поручил мне «ужесточения». За день я это исполнил. Но уверен, что даже если Б.Н. это пошлет наверх, никто там и читать не будет: Александров-Агентов давно уже всё как надо ужесточил и в помощи не нуждается.

Еще Б.Н. поручил мне написать речь для Суслова на съезде – с предложением о дополнениях и изменениях в Программе КПСС. Сделал. Он вроде бы принял, но обсуждать не стал: понесет Суслову, как свое.

Карякин отметил столетие Достоевского великолепной статьей в «Огоньке» (с намеками, но солидно). Потирает руки: как, мол, я объегорил Сафронова (главного редактора). Я Юрке разъяснил: Сафронов – «генерал» и сволочь, но чего у него не отнимешь – он не дурак. И «взял» он твое сочинение сознательно. Он понимает, что в дальнейшем будут о «писателе» судить, главным образом, по тому, как он вписался в «новую волну» - в процесс восстановления той роли литературы, какую она в России играла в XIX веке.

9 февраля 81 г.

Снова начали выходить тома Достоевского. Лет пять назад тридцатитомное издание вдруг остановилось на 17 томе, так как, говорят, Суслов счел, что слишком много бумаги тратится - варианты, черновики и проч. в этом (академическом) издании. Получил 21-ый том, дневник писателя. Подумал – Достоевский ровно на 100 лет старше меня. Он умер в возрасте, сколько мне сейчас. Когда я родился, меня отделяло от его смерти всего 40 лет. А читал я его впервые на расстоянии в 55 лет…, т.е. на расстоянии, равной моей сознательной жизни. Пустяки… И как много уже прошло с тех пор, когда я впервые прочел, например, «Бедные люди» или «Неточку Незванову». До сих пор помню, как читал и захлебывался от «Братьев Карамазовых» в Марьиной роще под огромной фарфорово-бронзовой лампой. Боже, какой я старый, и как вечен Достоевский. Он меняется (в восприятии), но бесконечно, т.е. по-прежнему велик и нов.

Мне пришло в голову (тоже, видимо, под влиянием разговора с Карякиным), что Достоевский в России не просто писатель= «создатель художественных произведений». Он играл примерно ту роль, какую на Западе Шопенгауэр, Ницше, Кьеркгор и т.п. философы (не Гегель, Кант, Фейербах), а философы – преимущественно гуманитарии с блестящим, художественным пером. А публицистика Достоевского – так она прямо (и по жанру) то же, что некоторые сочинения, например, Ницше.

9 марта 81 г.

Произошло всего много, именно поэтому некогда было писать.

Прошел съезд – XXVI съезд – может быть, последний, на котором присутствую. Начиная с XX-го, на всех бывал. К XXIV и к XXV «готовил» материалы к Отчетному докладу: Завидово – Брежнев, до этого Горки, Ново-Огарево – Пономарев, Александров. К этому съезду ничего непосредственно не готовил, т.е. в выездных бригадах не участвовал. Однако, совершенно неожиданно для себя был избран кандидатом в члены ЦК.

Съезд приличный. Доклад – народный, по простоте и остроте, приближенности к повседневному, с чем люди имеют дело. Арбатов и Иноземцев, которые были в дозавидовских и в завидовских бригадах и, с которыми много пришлось общаться в дни съезда (встречи, проводы иностранных гостей) ворчат, что, мол, в первом варианте, уже даже одобренном Брежневым, все было лучше. Но по замечаниям членов Политбюро пришлось де ухудшать – сглаживать, убирать остроту, откровенность и т.п.

Еще до съезда переварил, пропустил через себя около 500 «памяток» для бесед с иностранными делегациями. Беседы должны были проводить «прикрепленные» к делегациям члены ЦК, министры и проч. Но, как и прежде, все эти бюрократические инициативы остались при нас. «Прикрепленные» памяток не читали, а гости, если у них были вопросы к ЦК, требовали, чтоб с ними разговаривали замы Международного отдела. Так что все равно отдуваться пришлось нам, мне в том числе.

Заботы Пономарева насчет того, чтобы нашим, советским делегатам дать «вставки» по международным вопросам, особенно по МКД в их выступления в Кремлевском Дворце съездов, - оправдались. Написанное консультантами и произнесенное с трибуны съезда Шакировым, одним комбайнером, одним токарем и еще кем-то о критиканстве в адрес КПСС со стороны некоторых КП, об «интернационализме по-советски», о значении мира для МКД и проч., прошло под аплодисменты.

Среди своих рязанцев, т.е. в делегации на верхнем балконе, мне удавалось сидеть урывками. Встретили они меня очень радушно. От имени «рязанских мадонн» был вручен мне даже адрес по случаю дня Советской Армии (как раз день открытия съезда). А до этого, в субботу, когда они только что приехали, я их встречал у Георгиевского зала, чтоб вместе регистрироваться. Обнимались, фотографировались, а потом – конфуз: когда сели за стол и получили анкеты, я «с ужасом» обнаружил, что не взял с собой партбилета (я уж лет 25 его не ношу). Исправить ошибку для меня было проще простого – доехал в машине до ЦК, вынул из сейфа билет, да обратно. Но для рязанцев это было «шоком»: они смотрели на меня с сожалением и укором – как, мол, это так – явиться на высочайшее партийное собрание без партбилета?!

Основная моя работа во время съезда была за сценой, в буквальном и переносном смысле слова. В буквальном смысле потому, что съездовский «штаб» Международного отдела находился, как и прежде, в артистических уборных, точно позади главной сцены КДС.

В переносном – потому, что от нас (от меня непосредственно) зависело, что произнесут дорогие иностранные гости с трибуны КДС и на десятках митингов и активов в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и Риге. Примерно 150 ораторов (так как некоторые выступали дважды, а в некоторых делегациях выступал не только ее глава) и около сотни письменных приветствий съезду от иностранных друзей, от КП в первую очередь.

Пожалуй, больше тысячи страниц пришлось мне за несколько дней вычитать, отредактировать, а иногда просто переписать, чтоб это звучало «по-русски» и хоть какое-то производило впечатление в ораторском отношении. Вычистил оттуда кучи просто галиматьи и пытался придать ей какой-то смысл, предлагал сократить до допустимого (и условленного еще до съезда) размера, чтоб «Правда» могла поместить, а главное «снять» нежелательные моменты в политическом смысле.

Впрочем, трудно сказать, что из перечисленного было труднее.

Политически же пришлось бороться не только с «еврокоммунизмом» и попытками говорить об Афганистане и Польше в несогласном с нами духе (последнее было лишь у итальянцев и англичан). Больше всего пришлось сражаться с попытками объявить нас авангардом МКД и мирового революционного движения, а также «с благодарностью» указывать на то, что та или иная революция, или какая-нибудь другая победа освободительного движения была бы немыслима и не состоялась бы без помощи и поддержки Советского Союза (как раз для Рейгана и Хейга!). Были «музыкальные моменты» и другого рода: так крыли свои правительства и режимы, что после появления соответствующих речей в

«Правде», дело оказалось бы на грани разрыва дипломатических отношений (ярчайший пример – Иран).

ЦК утвердило (специальным решением) меня руководителем группы по выпуску речей зарубежных делегаций несоциалистических стран (а их приехало 113). Жилина – заместителем.

Адская работа: закуток с зеркалами кругом, слева телевизор, показывающий, что происходит в зале заседаний съезда, одновременно толпятся по 5-6 референтов и консультантов, требуя, чтоб именно его текст пошел раньше других, так как вот-вот надо на трибуну или на самолет – в Ленинград, Минск и т.д. Вариант для синхрона, вариант для «Правды», вариант для произнесения, вариант для стенограммы, т.е. каждое выступление в нескольких размерах. К концу дня я бывал совершенно опустошенным.

Главные проблемы – с итальянцем Пайеттой, англичанином Макленнаном и японцем. Впрочем Пайеттой занялся сам Загладин (на которого позже свалилась колоссальная нагрузка в пресс-центре), а другие два – на мне.

У Пайетты почти в каждом абзаце был втык в нашу сторону, но особенно ядовитыми были пассажи по Польше и Афганистану. Конечно, как только был получен текст «для перевода», о нем было доложено Пономареву. Первая его реакция – попробовать уговорить Пайетту «смягчить». Пытались это сделать Загладин, Ковальский, Зуев. Добились немногого, главным образом, в сфере словесности, существо оставалось. Тогда приходилось Б.Н.'у решать, но сам он не отваживался, тем более, что знал о прошедшем у Черненко еще за неделю до съезда совещании (сам Б.Н. был болен и присутствовали я и Шапошников). Обсуждался «порядок работы»: кто за кем выступает и кому из иностранцев давать слово в КДС. Пайетта там значился, и мы с самого начала запланировали выступление ИКП в КДС. На совещании у Черненко его только перенесли подальше к концу. При этом Черненко, активно поддержанный другими секретарями, сказал: если в речи будут оскорбительные для нас места – Афганистан и проч. – слова не давать. Вон, мол, кубинцы так и поступили на своем съезде. И ничего страшного не случилось! Б.Н.'у я, естественно, об этом сказал… и, естественно, что он не мог взять на себя – выпускать Пайетту или нет. В одном из перерывов он поднял этот вопрос… Брежнев тоже подошел, услышав, о чём идет речь. И было решено – пусть выступает в другом месте!

Пайетте тотчас же об этом было сказано под предлогом, что от ИКП не Генеральный секретарь, а мы в Кремлевском Дворце съездов имеем возможность (в силу краткости времени и плотности регламента), дать слово только первым лицам или тем из руководства, кого первые лица уполномочили их лично представлять (так Плиссонье – от Марше, так – с некоторыми африканцами). Джан-Карло, было, взбеленился, но, видно, поняв, что, если он вообще откажется выступать, это будет актом разрыва, а «база партии» (ИКП) это не готова ни понять, ни принять. (Не говоря уже о том, что разрыв с КПСС сразу ослабит национально-политические позиции ИКП перед другими итальянскими партиями), - согласился выступить в Колонном зале Дома Союзов на городском активе («второе по значению» после КДС место для выступлений иностранных делегаций).

Но на этом «дело Пайетты» не кончилось. Опять же я определял, каким по очереди будет Пайетта выступать в Колонном зале. По прежнему списку туда уже были намечены: австриец (председатель Мури), ирландец (генсек О'Риордан) и другие. Они бы «не поняли», почему вдруг итальянца (не первое лицо в партии) ставят впереди них. Взвесив это и все прочее, я поставил Пайетту на шестое место. Однако, видимо, Б.Н. через Загладина, а может быть, через Гришина, который должен был председательствовать в Колонном зале, переставил итальянца на третье место, чтоб сгладить недовольство. Мне об этом не сообщили и для печати – для «Правды» продолжал действовать тот список, та очередность, которую я подписал еще накануне.

И вот выходит «Правда» (воскресенье 1 марта), опубликованы речи Мури, О'Риордана и еще двоих, которые выступали фактически после Пайетты, а его речи нет (кстати, речь должны были давать без малейшей правки, сам Пайеета завизировал русский

текст). Когда я утром открыл газету, какое-то смутное беспокойство мелькнуло у меня в голове, но я подумал: черт знает что, возможно опять кто-то сверху вмешался, не поставив меня в известность. А может быть, решили «там!» не давать Пайетту даже «на страницах», а не только на трибуне съезда!..

Не прошло и часа, звонит Б.Н. День на съезде был выходной и я был еще дома, собирался ехать к делегациям «на беседу». В бешенстве, - почему не опубликован Пайетта.

- Не знаю. Сам удивился, открыв газету… Наверно, очередь не дошла, места не хватило. Ведь он был шестым.

- Какого черта – шестым. Он выступал третьим. Вы должны знать. Вы отвечаете за это. Он уже заявил протест. Уже звонил в Рим: дискриминация, оскорбление! Рим разрешил ему покинуть съезд в знак протеста. Уже вся мировая печать устроила канкан по поводу разрыва итальянской компартии с КПСС. А вы сидите дома и даже не позаботились выяснить, почему в отчете ТАСС, опубликованном в той же «Правде», выступление Пайетты упомянуто третьим, а самой речи нет, в то время как речи тех, кто выступал после него – даны! Вот он, Пайетта рвется сейчас ко мне. Что я ему буду говорить?! Выясните и доложите…

Я стал звонить в РИО и в «Правду». Все произошло, как легко было догадаться, так: никакого ни у кого умысла не было, просто не дошла очередь, а «Правду» решено было в воскресенье дать не на 12 полосах, а на 8, да и не хотели перегружать иностранцами. Итак уж получалось, что советских в 3-4 раза меньше на страницах «Правды», чем иностранных речей. Это же съезд, а не международное совещание.

Звоню Б. Н… Он, конечно, уже все выяснил без меня. (Потом Зимянин мне сказал, что он и не него кричал, а «Правду» обвинял в провокации).

Меня на этот раз и слушать не захотел. И разговаривал так, как никогда за 20 лет, много всяких слов, худшее, которое запомнилось: «Что вы трепитесь»... Я тихо положил трубку, вызвал машину и уехал к англичанам. Долго овладевал собой, но внутренне решил, что если он и при встречи продолжит в том же духе, я пойду на разрыв, скажу ему, что я командиру полка, будучи мальчишкой и когда речь шла о жизни десятков людей, не позволял с собой так разговаривать… И, если он за 20 лет совместной работы не понял этого про меня, то мне тут больше нечего делать… Много я таких грозных и гордых речей заготовил в уме. И воображал себе картину, как я, произнеся их в лицо Пономареву (желательно в присутствии других замов), встаю со своего места и выхожу из кабинета… Навсегда!.. Боже, какой я еще мальчишка! Но что-то здесь есть и настоящего… Ведь, если бы и в самом деле он стал бы меня «полоскать», да еще в присутствии других, мои оскорбленные фантазии превратились бы в действительность. Достоинство, пожалуй, осталось для меня высшей ценностью интеллигента-индивидуалиста.

<u>10 марта 81 г.</u>

Болею. Так вот, «дело Пайетты» более или менее уладили. Б.Н. на встрече сообщил ему, что его речь уже стоит в номере «Правды» на завтра (хотя итальянская печать и прочие изобразили, что, мол, Москва напечатала речь только после протеста). В Италии пошумели. Почти все группировки слева направо одобряли действия Пайетты, некоторые не без иронии. «Темпо», например, предложила воздвигнуть в Риме еще одну триумфальную арку по случаю возвращения Пайетты.

Он тем не менее остался на съезде и на заключительном заседании усиленно хлопал Брежневу и другим ораторам, и даже, кажется, пел вместе со всеми «Интернационал».

[Не хлопал и не пел только Каштан (Канада), демонстрируя свое возмущение по поводу того, что ему не досталось слова в КДС].

Однако, для меня «дело Пайетты» было сигналом в отношении Гордона Макленнана. Он оставался единственным, кому дадут трибуну в КДС и кто скажет «не то» по Афганистану. (Еще был японец, но того сразу настроили на Минск лишь после протеста из Токио уступили и дали слово в Колонном зале).

Так вот – что делать с Макленнаном? Подослал к нему сначала Джавада. Тот вернулся с обещанием Гордона «подумать». На утро я решил сам вмешаться и в первый перерыв зашел в буфет, где иностранные делегации «перекусывали» (всегда очень охотно и дружно). Гордон, когда я подошел, поздоровавшись, продолжал есть боком ко мне (стоя). Хотя он, конечно, все понял. А с Пайеттой они не раз общались, причем, - не зная общего языка и не желая воспользоваться нашим переводчиком, говорили друг другу примерно так: «Afganistan – yes?» -«Yes», - отвечал другой. Итальянец очень ревностно добивался, чтоб англичанин не отступил, чтоб не одна ИКП фигурировала с трибуны в роли фрондера.

Наконец, он дожевал и, достаточно выдержав паузу, демонстрируя, что он не бросается навстречу человеку, который появляется лишь в экстренных случаях, - повернулся. Я сразу быка за рога: перерыв краток…

- Гордон! Я насчет Афганистана. Ты видел, что Пайетте отказали в слове здесь. И не потому, что мы боимся его мнения. В «Правде» оно будет опубликовано на весь мир. Но ты пойми: наш съезд – не международное совещание. Здесь не место демонстрировать разногласия. Гости на съезд приезжают для выражения солидарности с тем, с чем они согласны и в отношении чего они считают полезным солидарность коммунистов. Когда мы едем на съезд к итальянцам, испанцам, к вам, мы делаем только это – мы говорим о солидарности с вашей борьбой, о нашей симпатии и поддержке. Хотя у нас есть, что сказать по поводу того, что мы просто считаем ошибочным и вредным. Пойми и другое: для 5000 наших делегатов это не только политический форум – партийное собрание высочайшего уровня. Это и праздник. Они, эти простые люди, которые работают действительно самоотверженно, бывают в столице раз в несколько лет. Зачем ты хочешь их разочаровать? И разочаровать не в их убеждениях, не в правоте позиции ЦК КПСС, а в своей собственной партии. Ты ведь знаешь, что представления о ней с самых школьных лет, у наших людей самое благожелательное. И потом – никаких аргументов в пользу своей позиции по Афганистану у тебя просто не будет времени привести. Значит, это будет «выкрик», который как таковой прозвучит оскорбительно. Ты испортишь и все впечатление от своего выступления, ты испортишь и отношения между нашими двумя партиями. И т.п. в этом духе.

Он слушал, порозовев. Потом взял меня за плечи. «Иначе я не могу. Меня не поймет Исполком. Меня обвинят, что я исключил это под нажимом. Но я подумаю»… Прозвенел звонок, я пошел за сцену, он – на сцену.

После обеда Лагутин (референт) сообщил мне, что Макленнан решил <u>оставить</u> в речи фразу об Афганистане.

Вечером замов собрал Пономарев. Передал «возмущение президиума» съезда по поводу того, что некоторые иностранные гости выступают по 20 минут. Тогда как договаривались по 7-10 минут. (Это относилось к представителям Анголы, Сирии, Мозамбика, которые помимо своей пустопорожней болтовни еще зачитывали послания своих президентов и презрительно отвергали любые попытки их «сократить», любые резоны – мол, подумайте о других, вы же вышибаете их пачками из КДС!) Сам Б.Н. был раздражен, всех оговаривал и впервые окрысился на меня («что вы глупость говорите, прямо кровь бросается в глаза!» Правда, это было до истории с Пайеттой, но как раз в тот день, когда было решено отказать ему в КДС. Замы пытались огрызаться, но он, видимо, сам получив оплеуху сверху, рычал и ничего не слушал. В конце я со злости сказал: «Между прочим, теперь Макленнан остается единственным в КДС, у кого будет Афганистан, завтра он выступает».

Б.Н. мне категорично и яростно:

- Не давать слова!
- Так и сообщить ему?
- Да. Так и сообщить!

Вернувшись к себе, я вызвал Джавада и велел исполнить. Он, дождавшись, когда англичане возвратятся из театра, сообщил Макленнану «решение президиума». Тот не бушевал. Огорчился. Примирился с тем, что ему, как и Пайетте, придется выступать на каком-нибудь из митингов.

На утро Джавад сообщил мне вышеизложенное. «Что будем делать?»

- Слушай, - говорит, - давай напишем Б.Н.'у записочку, процитируем это место (про Афганистан), ведь там легкое касание… Б.Н. ведь не видел самого текста. Допиши чего-нибудь от себя.

Так и сделали. И помощник понес записочку Пономареву.

Из последующего я понял, что он ни с кем не обговорил своего «указания» не давать слова англичанину. Но и не поставил вопроса о снятии его фамилии из «памятки» председательствующего. Балмашнов же принес мне следующее: Борис Николаевич внимательно прочитал Вашу записку, подумал и еще раз подумал , и сказал: пусть решает Черняев!

Это в его стиле. Он понимал, что в отношении Пайетты была сделана глупость, и не хотел усугублять ее Макленнаном. Но не хотел и брать на себя ответственности, поэтому подставлял на всякий случай в качестве «стрелочника» Черняева. Но мне было плевать – я исходил из того, что глупость, действительно, не надо усугублять, тем более, что это коснется отношений с «моей» партией. И технически решить мне было очень просто. Мне уже «донесли», что Макленнан не вычеркнут из списка ораторов. А раз так, мне оставалось промолчать, ничего не предпринимать, - и Макленнан автоматически получит слово. Но тут обожгла мысль: он сам-то ведь не ждет, не готов,… в синхроне его текст (перевод) есть, а есть ли его собственный текст при нем? Срочно позвал Лагутина, тот помчался «на сцену». И оказалось, что текст Гордон действительно не взял с собой, решив, что «всё!» Мог бы и сам не придти – остальная делегация поехала в какую-то английскую школу…

Велел тут же достать копию английского текста и передать Гордону, по TV было видно, как ему вручили. А через несколько минут он уже шел на трибуну. Приняли его нормально, даже хорошо. Но что это? В «том самом» месте не слышно фразы (полуфразы) про Афганистан. (В тексте было так: «Известно, что в комдвижении существуют разногласия по разным вопросам, в том числе по вопросу об Афганистане. Наша позиция по этим вопросам хорошо известна, так же, как наш интернационализм»). Так вот это «в том числе и по вопросу об Афганистане» синхронщик не произнес. А по внутреннему TV нельзя установить, сказал ли он эти слова по-английски: звук из зала в момент выступления иностранцев отключается, слышен только перевод. Лагутин сидит рядом. Говорю: «Бегите, узнайте»… Прибегает: «Джавад сидел в зале, в первом ряду. Гордон сказал (!) про Афганистан»

Т.е. переводчик опустил эти слова. Но как это возможно. Синхрон строго контролируется нашими ребятами. Переводчик обязан читать по строго согласованному с оратором тексту, согласованному моей группой и отправленному в синхрон за моей подписью. Никто не имеет право вмешиваться в этот процесс… Вообще-то – ЧП, нарушение регламента, инструкции, постановления ЦК. Но я не начал разбирательства, чтоб не поднялось шума. И до сих пор не знаю, как это могло произойти. Возможно Пономарев, испугавшись моего решения и услышав, что Макленнану дали таки слово, подозвал своего верного Сан Саныча и велел ему мчаться в синхрон – передать Легасову, чтоб переводчик «эти слова замял»!!

В перерыве Джавад стал свидетелем следующего «музыкального момента»: Гордон, сияющий выходит в фойе, направляется к буфету. Его перехватывает Пайетта, но рядом с ним какой-то товарищ, который говорит по-английски. Спрашивает: «Ты произнес Афганистан?»

- Конечно, - отвечает Гордон.

- Ха-ха-ха! – разразился Джан-Карло, обратив на себя взоры всей толпы иностранных делегаций, выходивших из зала. – А я вот не слышал, - продолжал хохотать Пайетта. - В одно ухо, по-английски, я слышал, ты действительно сказал. Но в другое ухо – по-итальянски, этого не было, как и по-русски, потому что на все другие языки они переводят с русского!

Гордон смутился. Что было дальше, Джавад уже не видел…, толпа исчезла в буфете.

Но ни вечером с Лагутиным, ни тем более на другой день с Джавадом, ни в воскресенье, когда я с ними ужинал в «Арагви» (в прекрасной, действительно братской, очень

откровенной и доброжелательной атмосфере, на ноте настоящей искренности и без тени «критиканства» со стороны англичан) – ни разу Гордон ни в какой форме не спросил, что произошло.

Да ему и невыгодно было это делать. Он целиком должен был быть доволен. Он выступил в КДС – такая честь была оказана лишь 12 компартиям из 113 делегаций несоцстран. Его хорошо приняли, он никого в зале не обидел (про Афганистан услышали лишь десяток англо-говорящих делегаций). Сам же он сказал все, что хотел, и «Правда» опубликовала это без единого изъятия, включая фразу об Афганистане. Т.е. у него полное алиби перед своим ЦК и перед любой общественностью, а Пайетта пусть себе треплется, его репутация известна.

Полагаю, что в президиуме тоже ничего не заметили и в общем остались довольны выступлением англичанина, а в «Правде» никто «из верхов», конечно, читать его не стал. Так что отношения сохранились в порядке. Все хорошо!

Но оттого, что с Макленнаном обернулось «так хорошо», - раздражение Пономарева только усилилось. Т.е. глупость с Пайеттой выперла еще больше: ну, сказал бы свое, подумаешь, все знают, что такое итальянцы!.. Все равно ведь пришлось опубликовать.

11 марта 81 г.

От всего этого только скандал нажили, дали лишнюю пищу для спекуляций на Западе, в общем сами себе наложили в карман… И все (Б.Н., конечно, в душе чувствовал это) из-за проявленной им самим трусости: не пошел бы «советоваться», все бы обошлось… Даже получили бы и от ИКП похвальные слова в адрес съезда. Именно так получилось с Макленнаном: он дал превосходные, не только лояльные, а действительно дружеские (к нам) интервью для радио и TV. Он провел одну из лучших пресс-конференций на Зубовской. Он дал настоящий бой английским буржуазным корреспондентам, которые попросили «отдельно» с ними побеседовать и провоцировали его на антисоветчину, в частности, спрашивали – не давили ли на него по Афганистану, не навязывали ли ему какую-нибудь линию и т.п. Он всему этому дал отпор, высмеял.

А с ИКП – наоборот…

Этим всем, по-видимому, и объяснялось бешенство Пономарева.

Тем не менее (хотя состояние старика было понятно и даже извинительно) я всерьез надулся. Все во мне протестовало и я готов был защищать свою честь при первом удобном случае.

В понедельник 2 марта, перед закрытым заседанием съезда, когда должен был начаться процесс выборов, т.е. объявлены списки предлагаемых в ЦК, все мы были в Отделе. Б.Н. назначил на 16 часов совещание замов. Меня обзвонили помощники, но я не снимал трубку и запретил секретарше говорить, где я есть. Я не хотел видеться с Пономаревым, я бы действительно наговорил ему дерзостей. Совещание закончилось и помощники стали трезвонить: мол, Пономарев вызывает Черняева лично, одного. Я отказался идти, сказав, что знаю о своих обязанностях в отношении иностранных делегаций, текстов для «Правды», радио и ТАСС…

Видимо, это ему передали. Но я чувствовал, что он вызывает меня, чтоб сообщить, остаюсь ли я в списках или меня выводят из ревизионной комиссии (тогда, как это обычно у Б.Н., - всякие объяснения и ссылки на других, которые «ни в какую», а он, мол, сделал все мыслимое и немыслимое). Тем более, будучи уверен, что он зовет меня с разговорами на эту тему, я не хотел его видеть.

Не могу сказать, что мне было все равно. Я понимал, что мое положение в Отделе и вообще «по работе» осложнилось, если бы меня выставили из ЦРК. Но я с самого начала «запретил» себе этим интересоваться. Я ведь почти каждый день общался по делам с Петровичевым, Разумовым – всесильными кадровиками из Оргпартотдела, заместителями Капитонова. И в их глазах я каждый раз видел ожидание, что спрошу «по секрету». И видел,

как они «преображались в лице», когда вновь и вновь, как ни в чем не бывало, я говорил только по нашим общим делам, связанным с порядком работы съезда. А они-то уж давно знали, «сохранюсь» я или нет.

Особенно мне было не по себе от этой неизвестности потому, что, когда будут оглашать списки для голосования на закрытом заседании, я буду сидеть среди рязанцев. У меня даже мелькала мысль – не пойти.

Как бы они, рязанцы, посмотрели на меня, на человека, который сидел у них на конференции в Рязани в первом ряду президиума и проводил от имени ЦК первый их Пленум, руководил избранием первого секретаря обкома!! Но не пойти на такое заседание - было бы просто нарушением дисциплины. Ведь как делегат съезда я, не услышав моей фамилии в списках, должен был голосовать – участвовать в тайном голосовании – и это регистрировалось.

Закрытое заседание открыл Андропов, второй вопрос повестки дня, выборы. Слово для оглашения тех, кого совет старейшин (совещание глав делегаций) предлагал внести в список для голосования по выборам в члены ЦК, предоставляется Черненко. С удовольствием я услышал фамилии Арбатова, Загладина, Иноземцева. Был там, конечно, и Александров-Агентов. Т.е. вся главная четверка «завидовцев» переводилась в полные члены. Был там и Косолапов, главный редактор «Коммуниста», что очень правильно и чему я тоже порадовался. Но был и Афанасьев, вопреки тому, что приносил мне на хвосте из Завидово Загладин…

Список по кандидатам в члены ЦК поручено было прочитать Кириленко. Ну, прежде всего, что́ это было за чтение! Он перевирал почти каждую фамилию, ставил совершенно немыслимые ударения даже в самых простых русских фамилиях, причем так, что, как правильно сказал вслух один из рязанцев, «люди, наверно, узнают себя только по должностям» (которые назывались после фамилии). Некоторые он читал по слогам сначала будто бы для себя, а потом «целиком» - для зала. Фамилии инородцев вовсе невозможно было разобрать. И зал, и президиум во главе с Брежневым откровенно смеялись. Шум нарастал. Рязанцы вокруг простодушно передразнивали произношение «всесильного третьего» в нашей партии. В общем, скандал полный.

(Кстати, он получил голосов «против» больше, чем кто-либо другой из баллотировавшихся в ЦК, в кандидаты ЦК и в члены Центральной ревизионной комиссии, а именно 10 «против»).

Итак, запинаясь и перевирая, Кириленко шел к концу списка и вдруг, дойдя до «Ч», он произносит мою фамилию, имя, отчество и должность. Сомнений уже нет. Я постарался и ухом не повети, но ко мне со всех сторон уже тянулись руки рязанцев. А одна даже воскликнула: «Во, какой у нас ряд!». Действительно, в этом ряду, где мы сидели, оказалось четыре «выдвинутых»: сам Приезжев, первый секретарь Рязани, Силаев – министр авиационной промышленности, делегат от Рязани – в члены ЦК, Калашников, зам. премьера РСФСР и я – в кандидаты ЦК, еще одна рязанская доярка – в члены ЦРК. Ряд оказался в итоге «редкий» по концентрации.

Потом голосовали. А когда я часам к 8-ми вернулся в Отдел, все уже знали и бросились меня поздравлять.

[Кстати, Бовин, еще один среди главных в завидовской команде, сделан членом ЦРК. Преодолел таки сусловский барьер…, но получил два голоса «против». Потом звонит мне: «Граф, - говорит, - благодарю тебя за то, что ты освободил мне место в ревизионной комиссии»].

Как же всё «это получилось»? Немного приоткрывает случившееся разговор с Пономаревым на второй день после съезда. Он все-таки позвал меня. И я пошел… уже не в таком задиристом настроении. Поздравил меня. Я сказал спасибо, добавил, что для меня это было полной неожиданностью.

- Да, я хотел вас предупредить и поздравить заранее, как в прошлый раз (т.е. на XXV съезде, когда меня выдвинули в ревизионную комиссию). Но Вы не захотели явиться…

Я не стал заводиться. А он продолжал:

- Пришлось поработать… И одному, и другому, и третьему говорил за Вас (кому же, подумал я: Суслову, Черненко, Капитонову?) И один, и другой раз. Все ссылались, что нарушаем порядок, создаем ненужные прецеденты… Пришлось настаивать, - говорю, - Черняев работает не меньше Загладина. Тот, мол, часто отвлекается, а Отдел то и дело – на Черняеве. Словом, убедил. Но тогда они сказали: давайте уж раз так, и Разумова выдвигать, пусть будет не одно единственное исключение. (Дело в том, что во всем аппарате ЦК только я и Разумов были введены в высшие выборные органы на XXV съезде из многих десятков просто замов. Первые замы ряда отделов и на прошлом, и на этом съезде входили и вошли в ЦК, в ЦРК, как и большинство зав. отделами. Но просто замы – только двое. Это было и осталось исключением из правила).

Может быть, что-то из того, что говорит Б.Н. и правда. Тем более, что многие из аппаратчиков (даже первые замы) остались не «продвинутыми».

Так я на пороге своего 60-летия вошел в состав ЦК… Сравниваю с теми, кто делал революцию, первые пятилетки. Впрочем, войну «делали» и мы, мальчишки. Но не нам было доверено управлять отвоеванным. Поколение комбатов пошло в гуманисты (по Дезькиному слову), а не в карьеристы.

12 марта 81 г.

Все еще болею. Но сегодня уже ездил на работу: Б.Н. сделал замечания к тексту статьи о международном значении съезда. Я в дни съезда «откомандировал» своих консультантов из-за сцены в Отдел, чтоб начали готовить. На второй день болезни я получил их первоначальный текст. Совсем он был негодный. Несмотря на высокую температуру, посидел над ним. Главное же, придумал несколько идей и структуру=замысел каждого раздела, чтоб это было не переложение сказанного Брежневым, а «еще одно учение» о значении съезда для всего мира. Ребята довольно быстро это реализовали. И позавчера мне было доставлено, уже совсем другое дело. Поправил и разрешил отправить Б.Н.'у (он в больнице). Сегодня утром получил его помарки. Основную же идею, - о новой постановке (новой в отличие от 1915-20 годов, от Ленина и до Хрущева) проблемы мира: мол, без него ничего не может быть – не только никакой другой борьбы за что бы то ни было, но и некому будет бороться, - эту, уже теперь в открытую провозглашенную идею самим Брежневым, Б.Н. все-таки сумел извратить своим Carthaginen delendam esse: «а в случае, если капитализм все-таки развяжет войну, то его господство будет ликвидировано» (вместе со всем человечеством, - добавил Вебер, выслушав это замечание на полях).

Съезд кончился, а у меня еще забот по ворот. Во-первых, со многими иностранцами, к которым я был прикреплен, я как следует, и не поговорил даже. Прежде всего проводил англичан: они улетели как раз, когда начался прием ЦК в честь иностранных гостей съезда. Уезжали совсем очарованные… И финальная точка была поставлена с большим шиком. От гостиницы «Советская» в большой новой «Чайке», впереди милицейская канарейка, сверкающая сигнальными огнями. Да еще милиционер попался лихой. Мало того, что сверкал и включал то и дело сирену, высунул из окна жезл и буквально распихивал впереди идущие машины, расчищая путь, давая при этом 140 км., а сзади «хвост» - несколько «Волг» - провожающие. Я ехал с гостями в «Чайке» и тайно наблюдал, как все в них буквально бурлило от тщеславия. В само деле, в Англии с таким шиком даже Тэтчер не возят.

С этим же самолетом улетел Энди Барр – председатель Ирландской КП.

На другой день прощальный обед с Гэсом Холлом на Плотниковом. Были Арбатов и другие сопровождающие. Умело и ловко он себя несет. Он держит себя перед нами (да и всеми КП), как истинный представитель американского народа – а именно такого, каким мы (КПСС) хотели бы, чтобы он был, этот народ. Позиция оптимальная в его (Гэса) положении. И, как это ни парадоксально, внушающая уважение даже буржуазным журналистам, которые охотно к нему тут рвались и нарасхват интервьюировали.

Уинстон – председатель партии – слепой негр, конечно, уже полное ничтожество и маразматик. Но он, видимо, нужен Гэсу, как символ антирасизма партии. Физически, да и во всех других отношениях, он не терпит этого неприятного, вонючего, глупого и нахального nigger'а. Даже летает в разных самолетах, под предлогом, чтоб в случае чего партия не была совсем обезглавлена.

Тосты и пламенные речи благодарности и восхищения Советским Союзом, съездом и проч. членов делегации – молодых Джима, редактора «Darly World» (негр) и Сэма Уэбба, кронпринца Гэса Холла, которого Меньшиков назвал «тихим американцем» (бегал в трусах по утрам по Кремлевской набережной). Гэс Холл улетел рано утром в Софию.

5 марта провожал своего любимого мальтийца Вассало. Поразительно разумный человек. Находка и для Мальты и для нас.

Потом провожали сразу группой из гостиницы «Украина»: зам. лидера революционной Гренады, «своего давнего друга» Коарда с мальчиками, которых он берет всегда с собой в качестве экспертов и любовниц, мудрейшего Томпсона - председателя партии Мэнли на Ямайке. Чедди Джагана – лидера партии, оппозиционной прогрессивному режиму в Гайяне, которого предварительно пришлось принять утром в ЦК и два часа объясняться, почему мы выбросили из его речи обвинения этого режима в фашизме. Тем более, что делегация этого режима была также представлена на нашем съезде, выступала и ее «хорошая» речь была опубликована в «Правде». Джаган, когда мне в первый день съезда принесли перевод его речи и когда я заявил, что «эти два абзаца» ни под каким видом не будут даны в нашу печать, начал было скандалить. Заявил, что он вообще не будет выступать, что ему зажимают рот, что выгораживают и поощряют фашизм в Латинской Америке и в его стране. Тогда я доложил Б.Н.'у и получил санкцию стоять на своем. Джаган сдался, выступил на митинге, сказал (устно) то, что я ему вычеркнул, переводчик перевел слушателям (без текста), но в «Правду» эти абзацы не были допущены.

Разговор в ЦК был сначала натянутый и нервный. Я наращивал аргументацию, причем жестко, оправдываться не собирался. И он «отошел», понял, что иначе – разрыв, а это для него – политическая гибель. Расстались в объятиях и вроде по-доброму. Но!.. Зачем нам нужна такая коммунистическая партия, которая ведет глупейшую политику с целью ликвидировать антиимпериалистический режим в своей стране, что общего такая партия может иметь с ленинизмом?! А ведь мы ее братской называем.

Вечером 5-го я ужинал еще и с австралийцами (ослепший Кленси и Саймон) в «Советской». И провожал их опять же в «Шереметьево». Хорошие слова и бесперспективность дела. Врал Кленси, прощаясь в аэропорту насчет того, что Слава Федоров, профессор и мой друг, действительно, питает надежду восстановить ему зрение в следующий приезд летом.

За ужином с канадцами состоялся очень трудный разговор. Каштан был вне себя, что ему не досталось слова в КДС. Он отказался выступать где бы то ни было еще. С трудом его уговорили члены делегации отдать свое выступление в «Правду», как, якобы, состоявшееся. Целый день срывал зло на референте Уласевиче (тот, бедный, терпел, не жаловался), отчасти – на Мостовце. Со мной он себе подобного не позволил. Но держался отчужденно. А я повел контратаку исподволь. Мол, встречи лидеров братских партий с нашими парторганизациями (да еще такими, как Московская, в которой одной только 2 миллиона коммунистов, а у Каштана, дай бог, несколько сотен во всей партии) – это прямое продолжение съезда. Это – великая школа интернационализма для наших коммунистов, для всего народа. Ведь речи друзей распространяются в 10 миллионах экземпляров, по радио и т.д. Считать зазорным такую трибуну – странно. Тем более, что ведь из 115 делегаций несоциалистических стран более сотни выступали именно на таких активах и митингах, и никому в голову не пришло обижаться. И т.д. в этом духе. Меня зло взяло – и я шел почти на провокацию… Однако, чем больше я говорил, тем больше он сникал, тем сильнее сияли его коллеги по делегации. А потом прекрасный Сэм Уолш (лидер Квэбекской КП) шепнул мне на ухо: хорошо, что ты все это выложил, нам это очень облегчит работу с ним дома...

Вот уже месяц длится зима. С начала съезда морозность нарастала. А теперь вот предстоящей ночью температура опустится до минус 20-ти. Это в середине-то марта!

За время болезни прочел, помимо всяких общественно значимых книг и растянутого наслаждения Аполлоном Григорьевым (проза!), «Третью ракету» Быкова (раньше почему-то ее пропустил) и «Войну» Стаднюка. Это – антихудожественное сочинение. Достаточно раскрыть любую страницу и прочесть любой абзац, чтоб убедиться, что возле литературы оно, как говорится, не лежало рядом. Но увлекает информативностью. Товарищ основательно порылся в архивах, побеседовал кое с кем из участников событий и сообщает то, что нигде так просто не прочтешь. О трагедии генерала Лукина, о Тимошенко, который у него вполне хороший, о Сталине и заседаниях Политбюро в июле 1941 года, о Якове Джугашвили, о генерале Жукове и о Мехлисе. Тенденция автора вполне откровенная. Он не реабилитирует Сталина и весь его стиль. Он не считает даже нужным это делать. Для него то, что делалось Сталиным, единственно возможное. Иного и представить (даже придумать) невозможно. Но, повторяю, любопытно. Несмотря на пошловатое философствование à la Толстой, что-то интригует в его рассуждениях. Тем более, что никто теперь никогда не сможет ответить на вопрос о том, «что было бы, если бы не было того, что было на самом деле» в 30-ых годах и в начале 40-ых.

В «Новом мире» № 12 повесть М. Колосова «Три круга войны». Война с позиций мальчишки, попавшем в армию после освобождения из оккупации в 1943 году. Но дело не в этом. А в том, как описывается война. Больше всего напоминает повесть Окуджавы, появившуюся где-то в 60-ых годах, которую нещадно долбали – за дегероизацию. Теперь это – привычное дело: олитературивать дневники рядовых участников войны. Это действительно то и так, как было на войне с миллионами солдат: куда-то бежал, как попало стрелял, пригибался, выполнял какие-то поручения, голодал, месил грязь, слышал команды, за которыми ничего не следовало, сам не понимал – участвует он в бою, раз вокруг все рвется и стреляет, или бой это где-то рядом и у других, а он случайно оказался в этом крошеве. Так как смысла во всех «движениях» его и его товарищей никакого не видно и никто ничего не в состоянии ни понять, ни объяснить. Действительно, и со мной так много раз бывало, даже когда я уже был командиром. Но про это почему-то неинтересно читать. Интереснее, как у Быкова, или Бондарева, или Бакланова – осмысленные бои, организованная батальность, хотя в ней видишь «белую нитку», придуманное, искусственную стройность.

15 марта 81 г.

Вчера был у Аксеновых. Космонавт, дважды герой, рязанец, с которым мы познакомились в домике на семи ветрах, где жили не рязанские делегаты на съезд от Рязани (дом, переданный советской власти владельцем Казанской железной дороги, ее строителем, который потом до 1927 года служил инспектором в Наркомате путей сообщения).

Владимир Викторович Аксенов из Касимова. Человек 21 века. Теперь вот познакомился с его семьей. По нему можно предположить, что это хорошие люди. Опыт подтвердил. Ни в нем самом, ни в его семье нет ни тени избалованности славой и комфортом. Интеллигентная современная семья с глубокими русскими традициями (генетически – у него дед и бабка дореволюционные народные учителя).

Много, конечно, говорилось о космосе. Показывали фото, чего не увидишь в mass media. И опять же он умеет все это подать не персонифицировано, «по делу говоря» (его клише). И опять же, как и во всем остальном, у нас огорчающий разрыв между тем, что можно взять для практической жизни из космоса, и тем, что берется фактически. Он считает, что уже сейчас космические программы можно сделать самоокупаемыми, если по-хозяйски использовать все полученные там открытия. Однако, окупается в данный момент не более двух процентов. Например, карты СССР, которые они снимают с высоты в 300 км. Только 200 из 200 000 стандартных съемок пошли в работу для геологов, сельского хозяйства, биологов, лесоводов. Остальные – в сейфах, так как там зафиксированы военные объекты. Но не только

поэтому, а потому, что не созданы механизмы практической переработки добытого в космических кораблях.

Первые полчаса, как мы пришли, Владимир Викторович будто чувствовал неловкость, будто стеснялся, не сразу найдя, как и чем нас занять. Не мы оказались в положении людей, тушующихся в присутствии такой знаменитости, а он – знаменитый на весь мир, действительно герой.

К тому же он хорош собой внешне. А речь у него – речь учителя: размеренная, ясная, правильная, убеждающая.

Так я и не понял, что он во мне нашел, почему сразу привязался, настойчиво стал звать в знакомые, приглашать домой…

В пятницу, когда я появился на работе, зашел ко мне Загладин. Обсудили две темы. Жилин, который опять пьет, спаиваемый Шапошниковым и «что делать». Ежов, который попался на проститутках, связанных с американцами, и чего-то им говорил о служебных делах (кажется, о распределении обязанностей между консультантами в связи со съездом). Подумаешь – секреты! К тому же он наверняка не знает, что его подружки путаются с американцами. Думаю, что это какие-нибудь его старые знакомые по институту или по журналистике, а профессионалками они стали позже… и ему дают по старой дружбе, а не за 1000 долларов за сеанс (выясненная такса для американцев!). Об этом – о том, что Ежов влип – мне рассказал еще Б.Н., когда поздравлял с избранием в ЦК. Откомментировал так: «В связи со съездом ужесточили наблюдения, вот и попался… Теперь надо от него избавляться. Поговорю с Загладиным»…

Загладин, тоже рассказав мне все это, думая, что я еще не знаю, горевал: как сделать? Ведь, оказывается, нельзя говорить, почему мы его увольняем… Даже нельзя вот сейчас предупредить, чтоб он больше не ходил к этим своим приятельницам.

Другая тема – Кириленко. Вадим был на первом после съезда Секретариате ЦК. М.А. Суслов сразу после съезда уехал в отпуск. В его отсутствие всегда, уже много лет Секретариат и Политбюро (когда не было Брежнева и Суслова) вел Кириленко. А на этот раз из задней комнатки первым вышел Черненко и сел за председательское место. Кириленко вышел вслед и сел на свое обычное место «одесную». Все заседание молчал.

21 марта 81 г.

Б.Н. выступал в Большом Кремлевском дворце с докладом на партийном собрании всего аппарата ЦК (2900 человек!). На этот раз и доклад был приличный и произнес он без нудности, часто ему присущей (и без отступлений от текста, что всегда особенно вредит его ораторству).

Я был избран в президиум и в редакционную комиссию собрания. Сидел на местах, где обычно сидят члены ПБ и Секретари ЦК. Глядя в зал, на дальний балкон, подумал почему-то: как же здесь выступали, когда не было радиофикации, как можно что-либо услышать из одного конца зала в другом. И потом вдруг, как ударило: ведь ровно, почти день в день, 25 лет назад (четверть века) я сидел вон там, на балконе и слушал доклад Хрущева о культе личности – XX съезд!! Ошарашенный я, помню, бросился сразу к Искре и в возбужденном «окружении» Зиновии Федоровны (матери) и отчима (старого партийца) сбивчиво рассказывал. Тогда и потом, казалось, что теперь-то уж наверняка что-то грандиозное произойдет. И вот прошло четверть века. Конечно, многое изменилось. Но кардинальных перемен, которых тогда ждали все – и справа, и слева, и болото – интеллигенция, не случилось.

Во вторник был на Секретариате ЦК. Действительно, его ведет Черненко. А Кириленко вякает, активничает, то и дело встревает в обсуждение, но его слушают вежливо и иронично. Произвело на меня впечатление обсуждение перспектив (и итогов) развития газовой индустрии. Грандиозные таки дела у нас делаются (хотя с колоссальными отходами, издержками, бардаком, бесхозяйственностью, разбазариванием ресурсов, нервов, энергетики, человеческих судеб). Тем не менее: за X пятилетку построено 29 000 км. газопровода, в XI –

будет построено 50 000! Представить себе трудно, а если еще добавить все сопутствующее этим «ниткам» почти в 1,5 м. диаметром! В 1960 году добывалось всего 46 млрд. кубов газа, а теперь планируется только добавка за 5 лет – 205 млрд.!

Секретари пытались критиковать и даже долбать недостатки, упущения и прочее. Но министры, и особенно Щербина, ощетинились. И развернули, действительно, ошеломляющую картину того, что сделано и делается. Причем, выказали (как и другие их коллеги, помнится, по другим поводам на прежних Секретариатах) весьма незаурядную компетентность и поразительное владение материалом (цифрами, данными, проблемами) без всяких бумажек, справок и памяток.

При обсуждении на уровне министров были Горбачев и Долгих (действительно умные и политически страстные, образованные люди). Кириленко же, да и наш Б.Н. выглядели смешновато, как люди эпохи «давай-давай!» Ближе к первым двум – Соломенцев, а Зимянин помалкивал, и правильно. В таких делах надо, прежде всего, знать «материю».

Позавчера общался с нашим послом в ФРГ Семеновым. Просидели около часа. Говорили о Мисе, о социал-демократии, о Шмидте, Венере, Брандте… Колоритная фигура. Он давно занимается футурологией. И мне начал было излагать свои концепции. Земля сейчас на переломе развития на ней живой материи. 3 млрд. лет прошло с момента возникновения жизни и осталось примерно столько (до начала угасания Солнца). Так вот именно сейчас от человечества зависит, состоится ли «вторая половина» жизни на Земле. Эти «теории» в общем-то известны… Но хорошо, что у нас такой посол, у него есть о чем поговорить с буржуазными «Маниловыми» в ФРГ. Узнал я от него о том, что среди военных аристократических кругов в ФРГ (истэблишмента) очень сильны сейчас антивоенные настроения, берущие начало от «концепции Гудериана», а именно: современной войны (еще одной войны) Германия не переживет. Кто бы ни победил, победителей немцы будут приветствовать или проклинать из братских могил. К этой «касте», которая, впрочем, презирает не только коммунистов, социал-демократов, но даже и всяких Геншеров и иже с ними, принадлежит и генерал Бастиан, ушедший в прошлом году в отставку из-за несогласия с политикой правительства.

Семенов считает, что было бы неплохо устроить закрытый семинар (по типу Погоуша) между нашими (образованными) генералами и генералами бундесвера, причем не только гудериановцами, а и сторонниками американцев тоже.

22 марта 81 г.

Воскресенье. Прошелся по улицам города. Придя домой, рассеянно, не зная, к чему приложиться, читал то сборник к 250-летию Канта, то рефераты Института информации о терроризме, то «Кромвеля» из серии ЖЗЛ, то опять дневники и письма Байрона, то «Опыты» Монтеня…

Когда время пустое, оказывается, его много, и прочитанные обрывки (некоторые из них перечитанные) запоминаются надолго. А Байрон все-таки поразительно глубок и умен, и какой контраст между тем, каким он был для себя и для окружения, и тем, каким он предстает из своих «Корсарах» и проч. Впрочем, «Дон-Жуан» очень напоминает его реального.

28 марта 81 г.

Какой длинный месяц март! Сколько всего в нем уместилось.

У меня в течение двух часов был старый знакомый Кжистоф Островский, зам. зав. международного отдела ПОРП. Положение, по его наблюдениям, отчаянное. «90 дней» Ярузельского провалилась. События в Быдгоще, когда милиция выдворила деятелей «Солидарности» из помещения горсовета и, конечно, кое-кому поддала…, разрушили то, на что делалась последняя ставка. «Солидарность» потребовала от партии и правительства: либо осудить (юридически) милицию и К°, или уйти – власть, «которая бьет рабочих», нам де не

нужна, это значит опять то же, что уже бывало в 1956, 1970 годах. Вчера уже проведена четырехчасовая предупредительная забастовка и на 31 марта назначена всеобщая «оккупационная». Завтра будет Пленум ЦК… А между тем магазины пусты. В очередь за самыми простыми продуктами встают ночью и, как правило, возвращаются ни с чем. Заводам, даже если представить себе такую фантастическую ситуацию, когда рабочие захотели бы поработать, не на чем работать – нет сырья и материалов. Импорт закрыт, так как Запад тянет с отсрочкой кредитов. Дело идет к голоду…

Взрыв вот-вот произойдет… Партия в полном развале. Вот, сейчас ЦК запретило коммунистам участвовать в забастовках, поскольку они «чисто политические», против власти. Но нет такой уверенности, что по крайней мере 2/3 партии послушается.

А мы? В беседе во время съезда Брежнев потребовал от Кани и Ярузельского дать отпор разгулу контрреволюции, которая наглеет с каждым днем, видя беспомощность власти. Это действительно так. Валенса уже теряет почву, он уже «либерал», его оттесняют люди, которые пойдут до конца, не считаясь ни с чем. Но самая робкая попытка давать отпор (в Быдгоще) привела сразу к всеобщей забастовке… Что остается?

Если придем мы – будет побоище, но работать-то мы их все равно не заставим. Или, может быть, Ярузельский решится на повторение «варианта Пилсудского» 1926 года?!

Б.Н. затеял провести в мае мини комсовещание редакторов газет коммунистических партий. Бессмысленность предприятия очевидна. Но Б.Н. не может «сидеть, сложа руки», ему как пушкинскому Балде надо все время крутить концом веревки в проруби… Видимость «мобилизации комдвижения».

Составили красивое хитрое приглашение. Но, думаю, Суслов это похоронит.

В четверг встречался с секретарем ЦК Социалистической партии Австрии – Хаккером. Любопытно. Но держатся они, социал-демократы, с нами нахально, это называется «с достоинством». Я попытался прижать его судьбой австромарксизма. А он мне в ответ: но австромарксисты первые выступили с оружием в руках против фашизма, а не шуцбундовцы, которые потом, после 1934 года, бежали в СССР и все были ликвидированы в 1938 году… Расскажу потом подробнее о нашей «товарищеской» полемике.

Вторая половина дня. После тенниса. Играли со Стефаном Дмитриевичем Могилатом. Это помощник Пельше. Спросил у него: что со Здоровым? Здоров – первый зам. Отдела машиностроения ЦК. Я с ним давно знаком, еще когда в Отделе науки работал, вместе играли годах в 1956-57. Потом вместе плавали в бассейне Автозавода в бывшей церкви на Солянке. Он из породы «рахманиных» - хозяин жизни, господствующий класс.

Так вот. Вчера узнаю, что Черненко зачитал на Секретариате постановление:

1. Снять Здорова с работы.
2. Передать дело в КПК - за нарушение партийной этики при устройстве сына в заграничную командировку.

Стефан Дмитриевич уточнил сегодня - сын сбежал, попросил убежища и уже начал поносить советскую власть публично. Что с отцом делать, КПК еще не решил. Но, видно, что-то будут делать, так как отец активно пропихивал его за границу и «вообще избаловал»: квартиру устроил, машину купил, служебную машину для него вызывал, а тот и не скрывал, что ездит за границу, чтоб обарахляться, почти каждый год ездил, хотя и работал в каком-то военно-техническом учреждении, будучи 30-ти лет от роду.

Но тогда почему же с Фалиным поступили «либерально». Даже в членах ЦРК оставили после съезда. Неужели только потому, что у Фалина сын приемный?!

А может быть, вообще ожесточается «режим» в отношении партийных чинов, с учетом того, что произошло в Польше, где «Солидарность» теперь живет и растет на том, что разоблачает «коммунизм для аппаратчиков», созданный при Гереке. Может быть… Но тогда надо начинать «с повыше»… или во всяком случае с нашего Управления делами, с Павлова и Поплавского. Впрочем, они умело, если и не обворовывают, то хорошо пользуются партийной кассой в своих «семейных» целях.

Встретился с Искрой. Впервые она вызвала меня на встречу, чтоб попросить за своего мужа – Гулыгу. Он в Институте философии возглавляет группу по изданию «классиков философии». Затеял с одобрения верха издавать русских классиков тоже… Начал с Федорова - праотца космонавтики и основателя теории о восстановлении предков – всех умерших за тысячи лет, причем в точном их обличии с помощью химико-электронных методов! И т.д. Я о нем мало знаю. Читал только то, что в «Прометее» было – большая статья о нем и Толстом. Книгу набрали, а потом интригами Йовчука, которого, наконец, не избрали кандидатом в члены ЦК, где он был 30 лет, по чьему-то звонку велели рассыпать. Гулыга, естественно, не хочет. И издательство не хочет. Апеллировали к Афанасьеву («Правда»): он тоже за издание книги, но не может помочь. Теперь вот я буду помогать…

5 апреля 81 г.

Вчера в СЭВ'е при скоплении около двухсот персон отмечалось 60-летие Иноземцева. Третий орден Ленина. Представляет, значит, часть академической и аппаратно-партийной элиты.

Противоречивые у меня ощущения и от этого человека и от вчерашнего мероприятия. В своей речи я решил акцентировать внимание на заслугах Института, а не самого выдающегося деятеля. Но, впрочем, я ожидал большей вакханалии подхалимажа.

С болью в сердце и нехорошими чувствами подарил ему один из листов, которые мне когда-то подарил Эрнст Неизвестный «Сердце ребенка». Надпись, адресованную мне, пришлось отрезать: «Анатолию от Эрнста в день рожденья с верой в то, что пока в нас не умер ребенок, мы растем» 25 мая 1972 года.

6 апреля 81 г.

Сегодня говорили с Сашей Галкиным о подготовке VI тома «Международного рабочего движения», о смешных претензиях и слабостях Салычева, которые могут загубить том.

Встречался с Тимофеевым, который продолжает добиваться, чтоб Б.Н. или кто-нибудь в этом роде открыл ему конференцию по ТНК. Без «генерала» для него всякое дело теряет смысл.

Звонок в издательство Академии наук. Лихтенштейн болен. Его зам сказал, что им придется издавать книги и по комдвижению под нашим, конечно, наблюдением.

Пытался править записку о перспективах работы Отдела в свете XXVI съезда.

Заходил Ковальский (консультант) с текстом английского издания книги Брежнева «Страницы жизни». Максвелл взялся. Мне предстоит редактировать.

Куча всяких записок в ЦК, документов – на подпись. Более сотни шифровок со всех концов света.

Пришел Дилигентский, чтоб получить замечания по VI тому «Международного рабочего движения» (послевоенный период). Спорил с ним –не надо в этом томе давать МКД, кроме поверхностной информации ничего не получится.

Разговор с Б.Н. по ВЧ (он в Крыму) обо всем текущем, но особенно об идее созвать редакторов коммунистических газет со всего мира… от имени «Правды». Он звонил Суслову. Тот предложил созвать эту встречу не от имени «Правды», а от Зародова. Но это – похороны идеи. По зову Зародова никто не поедет. Суслов, видимо, совсем не представляет себе, насколько ничтожен авторитет ПМС (журнал «Проблемы мира и социализма» в Праге), насколько он ничего ни для кого давно не значит.

Вот примерно рабочий день длиною в 12 часов. Не упомянуты мелкие разговоры по телефону, появление того или иного сотрудника со своими делами и вопросами.

17 апреля 81г.

Продолжаю вкалывать без Пономарева и Загладина. Он болеет уже месяц. Грузом висит доклад Б.Н. на предстоящем идеологическом совещании секретарей обкомов. Об МКД. Все хочет поднимать «теоретический уровень» с помощью воплей о самоотверженной борьбе коммунистов в застенках и их восторгов в наш адрес…

Был в четверг на Политбюро. В прошлый четверг вел Черненко. Вчера – сам Брежнев. Уходишь всегда в замешательстве, особенно когда ведет ПБ «сам». Какой-то театр теней и кантовская трансцендентность. Например, вопрос об итогах визита Тихонова в Австрию. Накануне, как и принято, рассылается стенограмма бесед. На этот раз – бесед Тихонова с Крайским. Прочел. Квалифицированный разговор, прямо-таки на уровне Громыко, который хорошо владеет материалом и умело ведет такие беседы. Знание фактов, своевременная реакция, точные оценки, элементы и полемики в дипломатии. Словом, вполне на уровне премьера. Но вот он встает изо стола ПБ, чтоб «кратко» сообщить: бессвязный, косноязычный набор слов, причем, он противоречит тому, что написано в стенограмме. Иногда просто непонятно, о чем речь. Все время глядит в бумажку и то и дело вычитывает оттуда казенные, нужняковые банальнейшие фразы.

Как это происходит? Откуда эта стенограмма? Или это совсем не стенограмма, а сочинение советников post factum на тему о том, что и как он **должен был** бы сказать Крайскому?

Обсуждения тоже никакого нет. Все всё подряд одобряют после того, как Брежнев по складам зачитывает заранее заготовленные проекты поручений и постановлений.

Кстати, последним был вопрос о встрече врачей в США, посвященный анализу ужасных последствий ядерной катастрофы. Чазов бойко доложил (Б.Н. потом по телефону откомментировал: мол, что ему тушеваться-то, он всех знает, всех лечит, его все знают, им дорожат). Сам-то вопрос не заслуживает того, чтоб быть на ПБ. Его и слушали-то, потому что – Чазов.

Но я – вот к чему. Беспорядочный обмен репликами после Чазова обнаружил, что не все представляют себе, о чем речь. И «сам» и другие полагали, что это – о комитете ученых по разъяснению последствий ядерной катастрофы, о которой было в Отчетном докладе съезду КПСС.

Словом, повторяю: если бы осуществилась голубая мечта советологов и кремленологов проникнуть «невидимо» на заседание нашего ПБ, то этому «невидимке», который там поприсутствовал, потом бы никто не поверил. Сочли бы, что он их дурачит или сошел с ума.

25 апреля 81 г.

На днях в Польшу совершил налет Суслов. На один день – но взбудоражил весь мир. Его послало Политбюро. Как мне говорил Б.Н., сам он не хотел: и физически не в форме, и «что я там могу сделать», все, кажется, сказано, все ясно, чего можно еще добиться?!

С ним был Шахназаров. Он еще расскажет подробнее, а вчера у машины, у третьего подъезда (перед тем, как ехать в Гнездиковский переулок на американский фильм) он успел сказать, что М.А. в общем-то всё понимает и не он главный закоперщик нажима. «Ястребы» – это «министр» (т.е. Громыко) и Устинов. Те жмут во всю и похоже – они решают, во всяком случае, предрешают.

Было, наконец, долгожданное партсобрание. Вадим Загладин сделал блестящий доклад – имел время подготовиться. Явился вдруг и сам Пономарев.

Загладин по-отечески поставил проблему пьянства в Отделе… «моральной атмосферы». У нас впервые за всю историю Отдела появились анонимки «изнутри» на одного из младших референтов-хозяйственников. Все остолбенели.

Призвал он и к раскованности, к дискуссии на собраниях, чтоб выступали не только те, кому заранее было поручено.

На этой волне выступил референт по Йемену Малюковский и наговорил, пользуясь присутствием Пономарева, таких вещей о нашем практическом «интернационализме», что всем стало неловко. Семь решений ПБ о сотрудничестве с НДРЙ не выполнены, а то, что начато – издевательство и грабеж. Наши специалисты там – лучше любых американцев или саудовцев работают на антисоветизм.

Например, заключили соглашение (о помощи) по рыбе. Наши ловят в прибрежных водах и 25 % должны отдавать йеменцам. Но стали давать 15 %, зато протралили побережье так, что йеменским крестьянам-рыбакам ни одной рыбешки не осталось. И созданные с нашей же помощью рыболовецкие госхозы разбежались!

Брутенц потом говорил: ГКЭС – это своего рода «комплекс» на подобие военно-промышленного или мафии. Центральные учреждения переплетены взаимными интересами с местными. 10 000 специалистов или так называемых специалистов. Главный их интерес – нажиться, обарахлиться, не нарушая правил игры и в соответствии с отработанной ротацией: Москва-заграница-Москва-заграница. Черных и желтых они презирают, третируют их, как низшую расу. И они знают, что если они обдерут их на лишний рубль, то их только похвалят. Но если будут работать с убытком, даже в пользу интернационализма, получат по шее. Поэтому решения ЦК – это само собой, а коммерческая деятельность исполнителей этих решений – совсем другое дело, в ней интернационализм и рядом не ночевал.

Б.Н. на следующий день на совещании замов сказал: конечно, Малюковский сгустил краски, но «этим» надо заняться, проконтралировать Скачкова (это министр, маразматик и очковтиратель, о котором я уже писал в связи с Шакировым).

Политбюро приняло решение о подготовке Международного совещания коммунистических и рабочих партий – по итогам поездки Брежнева на съезд КПЧ в Прагу и после того, как с этой идеей публично выступил Гусак.

Вчера на совещании замов у Б.Н. начали разбираться: пришли к выводу, что лучше совещание с участием революционно-демократических партий, а не чисто коммунистических.

<u>10 мая 81 г.</u>

Вчера был день Победы. Не смог его провести, как обычно: хождением по улицам с другом Колькой Варламовым, потому что болею ангиной. Чуть прошлись, а потом сидели у меня часов пять и помаленьку пили водку. Говорили все «о том же» - о безнравственности верхов, о стяжательстве, о ситуации – нахватать побольше, пока есть возможность – детям, зятьям, всяким прочим родным и близким. Разговор шел под аккомпанемент очередного спектакля по TV с открытием мемориала Победы в Киеве, где, конечно, и Брежнев, и Москва, и Ленинград, в качестве равноценных городов-героев.

Он (Колька) собирается на пенсию: «надоело на все это глядеть, противно»…

С 3 по 6 мая был в Риме. ИКП пригласила, чтоб снять «эпизод» с их делегацией на съезде. Восстановить хорошие отношения, в которых мы им отказали в Отчетном докладе ЦК. Я, Зуев, Генрих Смирнов. Принимали не по чину. Их делегация – два члена руководства, т.е. члена ПБ, два члена ЦК (Пайетта, Буффалини, Рубби, Мекини)…

Думаю, главное было – посмотреть, куда мы собираемся вести дело с ними и, например, с Польшей. Ребята из посольства говорили, что сам тот факт, что послали именно меня, в ИКП был расценен, как хороший жест, потому что я известен своей деликатностью и склонностью понимать обстоятельства братских партий. Может быть, у Б.Н.'а действительно это было в голове. Но, если и было, то на заднем плане: просто он не хотел «делать подарок» (а загранкомандировка, с его точки зрения это премия!) Загладину после полуторамесячного отсутствия по болезни. Однако, напутствуя, он мне советовал, не задираться.

Итальянцы вели дискуссию предельно вежливо. Я отвечал тем же (хотя мне слово дано было первому, но всю полемику против них я вел в косвенной форме, и как потом сказал Пайетта, вполне понятной).

И ни слова с их стороны о том, что было на XXVI съезде, что им не дали слова во Дворце съездов, не упомянули среди хороших партий, а речь Пайетты в Колонном зале дали в «Правду» только после скандала, который он закатил Пономареву. Ни на официальных переговорах, ни в ресторанчиках за вином, ни на уровне Пайетты, ни на уровне Мекини.

Какие только вопросы не задавались: от ракет до Эфиопии. Особенно остро обсуждалась проблема сенатора–генерала Пертини. Думаю, что это был, пожалуй, единственный практический вопрос, который они хотели «решить» с помощью нашей делегации.

Несмотря на их, действительно, большую занятость, итальянские лидеры уделили нам внимание, не сопоставимое с нашими должностями. Для них мы были «КПСС», хотя они очень тонко учитывали индивидуальные особенности «состава делегации».

Почему они не побоялись нас позвать в дни, когда в Риме проходил совет НАТО, когда только что закончился 42 съезд ИСП, где Кракси ясно дал понять, что пока ИКП «совсем» не порвет с Москвой, не будет коалиции ИСП-ИКП, когда, наконец, на носу референдумы и местные выборы и есть опасность, что под бешеным напором антисоветизма, коммунисты получат еще меньше голосов, чем раньше – тенденция отката утвердится?! Почему они это сделали?

Убежден, что наряду со сложными маккиавелистскими соображениями, сказывается глубинная сила привязанности итальянского коммунизма к нашей стране. И в руководстве главными ее носителями являются (вместе с Коссутой, который слишком уж лег под нас) именно исторические лидеры, т.е. Пайетта, Буффалини и др. – те, которыми мы особенно недовольны, потому что они чаще всего нас критикуют. Но они же нас и «любят», осознанно и эмоционально, они болеют за то, что считают ошибочным и опасным в нашей политике, и они никогда не пойдут на разрыв с нами.

По приезде я пытался внушить это Пономареву. И в шифровке, которая пошла по верху, эту мысль настойчиво проталкивал. Но Б.Н. шумел: «вы увлекаетесь», «не может этого быть», «зачем же он (Пайетта) тогда такое говорит про нас». Б.Н. никогда не поймет, что давно прошли те времена, когда большая, влиятельная, политически значимая КП (в обычных условиях) может проводить у себя чисто советскую политику и вести свою идеологическую и политическую работу, используя язык, напоминающий перевод с русского.

Всего два с половиной дня был я в Риме. Почти не оставалось времени, чтоб походить по городу, но проезжая мимо, останавливался… И, благодаря умному и симпатичному Лене Попову (нашему советнику в Риме по партийным связям) кое-что увидел и почувствовал. Церковь с Христом (держащим крест, как копье у ноги) – Микельанджело. Человек красоты необычайной. Заметил себе тайком, что я был, да и сейчас, пожалуй, весьма похож на него фигурой, а ноги – так просто с моих слеплены. Пантеон, по поводу которого впечатлениями можно заполнять многие страницы.

В день отъезда – Ватиканский музей.

Опять я все внешние впечатления описываю, для «состояния и размышлений» не хватает сил и времени. А писать надо ведь именно об этом.

Прочитал «вдохновляющий» рассказ Нагибина в «Новом мире» о последней любви Гёте… в 74 года!

Там же и прелестный рассказ Токаревой «Ничего особенного».

<u>17 мая 81 г.</u>

Вчера играл в теннис и смотрел «Федору». Еще раз убедился, что нужно смотреть советские фильмы, а не западные, купленные. Самый плохой советский что-то оставляет, а эти – одно раздражение.

Написали «письмо ЦК братским партиям» по поводу Римской сессии НАТО, призываем «поднять гнев народов».

Миттеран стал президентом. Наша ФКП полностью деградировала и ползает на брюхе, делая петушиный вид. Если б они тогда, три года назад, сохранили и довели до конца стратегию левых сил (Канапа), они, может быть, тогда же уже, выглядели бы, пусть младшими, но партнерами. А теперь они «попали в положение». В то самое положение, которого хотели избежать, порывая с соцпартией – в положение, связанного по рукам и ногам орудия Миттерана. На июньских парламентских выборах они наверняка откатятся еще дальше, дай бог 10 % получат.

Загладин, как обычно рассказал о своем выступлении в Ленинской школе (по итогам XXVI съезда). Не в обычно лекционной форме, а в форме дискуссии – «один против всех» вел откровенный разговор по тем вопросам, которые являлись предметом споров на занятиях, в коридорах, в общежитии. Вообще он делает этой своей «публичностью» в отношении представителей КП большое дело. Он давно уже отказался представлять КПСС перед братскими партиями «через посредство» Пономарева. «Этот аспект» нашей деятельности полностью оставлен за мною. Он сам, лично предстает перед ними в роли портпароля КПСС и говорит то и так, что через горлышко Б.Н., конечно, никогда бы не прошло. Но, тем не менее, он еще не Пономарев и его воспринимают в значительной мере в «личном», а не официальном плане. Так что задача – говорить устами Пономарева, не совсем уж такое дохлое занятие, потому что грамм новизны у Б.Н.'а весит больше пудов новизны из уст Загладина – «в глазах мировой общественности».

В преддверии моего 60-летия состоялся у нас добрый разговор с Борисом Николаевичем. Он в общем-то питает ко мне не очень внятную слабость. Может быть, он видит во мне повторение себя. Может быть, ему импонирует мое бескорыстие, отсутствие тщеславия, нежелание выпячивать себя, вылезать на передний план. Хотя – вряд ли: сам-то он везде фигуряет впереди, даже когда не по чину. Что он меня не понимает, не знает – это очевидно. Мою «преданность делу» и профессиональное чувство собственного достоинства («если что делаешь, то уж на совесть!») он, видимо, воспринимает, как преданность ему лично. Он, должно быть, оценивает, что я за 20 лет никогда у него ничего не просил и ни ему, ни кому другому «не лизал». Но это опять же – за счет отождествления «преданности делу партии» и службы ему, Пономареву, «как воплощению партии». Он считает, что под его крылышком я «вырос», «стал зрелым партийцем» и проч. – это действительно так. Но эти категории, безусловно положительные в его глазах, в конкретном представлении означают не что иное, как освоение аппаратной этики и логики, знание того, где стоит лезть на рожон, а где нет, усвоение морали – что хорошо с точки зрения Пономарева, то нравственно. И т.п.

Конечно, он видит во мне идейного человека. Но дело в том, что ему даже в голову не приходит, что мое и его понимание идейности – «две колоссальные разницы».

<u>24 мая 81 г.</u>

На работе – самое заметное – переписывал речь Б.Н. на предстоящем 29 мая в Ганновере съезде Германской компартии. Пытался убрать из нее «лекцию» и «политграмоту». Б.Н.'у самому не нравилось, что ему подготовили Рыкин и Загладин. Но все же из этого подготовленного он многое вырезал и обратно вставил в мой текст. Между прочим, не пошел на аналогию: «Германия превыше всего!» в 30-ых годах… «Важнее всего интересы Америки!» – Хейг 1981. И вообще убрал из моих «находок» ключевые словечки или фразочки, и она вновь обрела добропорядочно банальный вид.

Редколлегия «Вопросы истории». Оказывается, за этот месяц был переутвержден состав. Четверо новых. Меня опять оставили, я там уже с 1966 года. 36 материалов должны были обсудить. Наиболее интригующий – о Константине Леонтьеве. Под видом критики реакционнейшего, но талантливейшего публициста, в широкую публику выдается набор

цитат, которые вызывают просто прямолинейные аналогии с сегодняшним днем. Все, конечно, «за». Для приличия что-то советовали добавить, исправить.

Была еще блестящая статья Сивачева о «новом курсе» Рузвельта. Теперь он доктор, профессор, заведующий кафедрой, которой я 30 лет тому назад тоже ведал, мой студент (т.е. учился в моих семинарах), но не ученик.

В пятницу и субботу прошли торжества по случаю 60-летия Советской Грузии. Брежнев туда поехал. Репортажи по TV и в газетах из Тбилиси показывают (как и торжества по случаю «Дня победы» в Киеве – опять же с участием Брежнева), что экономическая и проч. ситуация вынуждает к послаблениям в смысле «национальной специфики» и усиления роли республиканского начала. Брежнев, видимо, сам не догадывается в каком, далеко идущем, процессе он принимает участие.

<u>21 июня 81 г.</u>

Завтра 40 лет начала войны. Воспоминания все сильнее присутствуют в повседневной работе головы, вплетаются во все, о чем ни думаешь., самым неожиданным образом.

Работа. За этот почти месяц с 60-летия много всяких дел было. Письмо компартиям по ракетным делам. Письмо в ЦК ПОРП с предупреждением, что, мол, дошли вы «до последней черты». Обращение Верховного Совета СССР (сессия – 23-го) к парламентам всего мира – за мир. Придумано было, когда Кузнецов на ПБ докладывал повестку дня обязательной летней сессии. Вопросов вроде бы никаких серьезных нет, нечего, мол, и сессию бы проводить, но – регламент! (Пленум ЦК в отличие от обычной практики на этот раз не проводится). И тогда, чтоб поднять вес сессии, придумали это Обращение. И поручили Международному отделу, МИДу и Антясову (помощник Кузнецова) подготовить проект. А через неделю ПБ решил «поручить» Брежневу выступить на сессии с этим предложением.

Любопытен процесс сочинения текста. Мы и Б.Н., конечно, опять начали было поджигать море. Мол, если такое делать, то надо вносить конкретное что-то, так как на Западе сыты по горло красивыми призывами. Впечатление производит, когда мы что-то определенное говорим о своих намерениях в отношении ракет, своих ракет. Так и сделали.

Но мидовцы от лица Громыки (Ковалев) нам ясно разъяснили, что ни о чем подобном речи быть не может. И весь смысл Обращения – призыв (нажим) к переговорам, которые все и должны решать. В этом духе и был сочинен текст.

Материалы к приезду Брандта. Тоже не очень ясно (Вадим в основном с этим мучается), что с ним делать, что конкретно он мог бы увезти от нас.

Сочиняются памятки, а процедура здесь все больше такая… Можно проиллюстрировать на том, как готовятся телефонные разговоры Леонида Ильича с Каней. Ожидается, что тот сам позвонит (например, после своего Пленума). Готовится «ответ» на то, что может сказать Каня, печатается большими буквами. Что бы Каня ни сказал, ответ он получит заранее заготовленный. Присутствующий помощник фиксирует разговор и сочиняет «отчет» Л.И. для ПБ «о разговоре» и выводы, какие надо сделать. И это тоже зачитывается на ПБ и единодушно одобряется путем утверждения заранее подготовленного текста постановления.

<u>18 июля 81 г.</u>

Я был с 8 по 15 июля в Испании. Формально для передачи партийного архива Испанской социалистической рабочей партии. Его наши захватили в Вене в 1945 году. Потом отдали коммунистам, они, когда поругались с нами, отправили его в Бухарест. Но один их ренегат Клаудин «продал», что архивы в Москве. Социалисты, когда мы с ними сдружились, потребовали вернуть. А нам пришлось, грозя, добиваться от КПИ, чтоб вернули их из

Бухареста в Москву… и вот полтонны бумаг, главным образом за 1931-39 годы вернулись в Мадрид.

График: Я, Перцов, Ковальский вылетели во Франкфурт на Майне. Там пришлось (в аэропорту) объяснять примчавшемуся из Бонна советнику Литвинову - чем кончился визит Брандта в Москву (кстати, я был включен в команду по его приему и участвовал в «обеде» в Кремле: Брежнев – Брандт).

На попечение нас взял представитель Аэрофлота (по команде из Москвы, так как во Франкфурте надо было сидеть 7 часов, ожидая вылета на Мадрид) – Коваленко В.В. Поводил он нас по городу, уже мне знакомому.

В Мадрид прилетели около 10 часов вечера. Встречали посол Дубинин, Карвахаль (Федерико) – зам. Генсека ИСРП, сенатор. Помимо посла из наших были: Иванов Игорь Сергеевич, секретарь партбюро посольства, Игорь Александрович (первый секретарь посольства), нудный переводчик и шофер.

Жара 40 градусов. Ужинали в ночном ресторанчике. Знакомились с Карвахалем. Он из аристократического рода и даже королевских кровей.

Утром следующего дня были в посольстве. Разговор с Дубининым.

Прадо. Директор и две девушки, переводчицы. Потрясение. Особенно Гойя. Подарили два альбома.

Вечером – главное событие: торжественный акт передачи архива. Филипп Гонсалес – генеральный секретарь ИСРП, все руководство, скопление прессы, TV. Я и Гонсалес произносили речи. Потом ужин в ресторане со всем руководством партии.

10 июля беседа с Гонсалесом в ЦК ИСРП. Потом беседа с членами Исполкома, занимающимися международными делами. Довольно товарищеская дискуссия. Особенно – по Афганистану.

Потом опять неугомонный Карвахаль устроил обед, приятный, непринужденный. Ели дары моря.

После обеда и после того, как пришли в себя в гостинице, поехали в Долину павших (километров в 40-50 к северо-востоку от Мадрида). Грустное ощущение – вот, что осталось от эйфории 1936-38 годов – испанской гражданской войны и нашего юношеского энтузиазма.

Вечером – по Мадриду: Королевский дворец.

Утром в субботу (11.7.) полетели в Севилью. Встреча с Рафаэлем – председателем Андалузского правительства. Проблемы автономии и «самоуправлящего социализма». Встреча в областном совете Севильи. «Casa» – Сарацинский Дворец 11-14 веков.

Утро 12.7. Воскресенье. Прогулка по старинному городу. Прелесть. Поездка на табачную фабрику. Коррида – один акт, противное зрелище, через час - на самолет.

13.7. Понедельник: Мадрид, встреча с соратниками Каррильо Аскарате и Борнао Элен из компартии Испании. Три часа дискуссии. Вечером – шифровка в Москву.

14.7 поездка в Толедо. Обед у посла на вилле за городом: Гонсалес, Карвахаль и проч. Долгие разговоры и мой тост – признание в любви Испании.

Вечером – площадь de Solo, подвальчик, где сиживал Хэмингуэй. Отец владельца был лучшим другом Хэмингуэя.

Поздно вечером – раут в клубе банкиров по случаю представления книги Брежнева «Страницы жизни». Хуан Гадричес – миллиардер, председатель клуба и издатель книги. Один из испанского «клана Кеннеди»… Простой, обаятельный, влюбленный в Советский Союз. Умен и хитер. Всякие светила ученого мира, знаменитый художник, сенатор из правящей партии. Речи моя и Гадричеса перед TV (в Москве показали через неделю).

Утром улетели, опять через Франкфурт.

По приезде Б.Н. выразил удивление, что «я поверил Каррильо»… Соцпартия его интересует только с точки зрения противопоставления антисоветизму Каррильо. И вообще, он все делает уже «не то». Главная его забота – доклад, с которым он будет выступать 27.7 перед загранработниками. Этому, главным образом, и была посвящена вся моя деятельность по

возвращении из Испании, плюс статья, которую Б.Н. обещал Зародову, а также превращение в статью для «Коммуниста» его речи на газетной сходке, состоявшейся до моего отъезда.

2 августа 81 г.

Утром перед Шереметьево – проводы Буффалини и Черветти. Переговоры с ними: Пономарев, Зимянин, Зуев (на Плотниковом по ракетам). История с меморандумом (идея Б.Н., о котором он, кажется, пожалел, а я сделал все, чтоб он пожалел – но увы, не исправишь)

Презумпция антисоветизма в отношении руководства ИКП. Но, кажется, и Б.Н., и Зимянин перестали верить, что по крайней мере, такие, как Буффалини и Черветти – антисоветчики и даже любят нас, переживают за все тени в наших отношениях.

В «Новом мире» опубликована статья о Маккиавели – наконец-то, полная реабилитация у нас этого гениального человека. Первая попытка к этому была сделана еще в 1933 году, когда появился в издании «Academia» его «Государь». Почти уверен, что эту книгу очень внимательно изучал Сталин.

Кстати, о Сталине и сталинизме был разговор с Буффалини во время ужина, бурного и сугубо идеологического.

6 августа 81 г.

Читал стенограмму встречи Брежнева с Чаушеску в Крыму. Главное, что из нее вытекает, что Брежнев не собирается и не думал вроде бы всерьез никогда вводить войска в Польшу. Но, мол, пусть поляки не думают, что к социал-демократической или буржуазной Польше мы будем относиться так же, как к социалистической (в смысле материальной помощи и т.п.). Кстати, помощь с Запада нарастает: США, ФРГ, а теперь Франция особенно. Миттеран отвалил и в натуре, и в деньгах огромные величины. Средства массовой информации изображают это под девизом – «Франция спасает Польшу»… А там уже голодные походы и бунты.

Для социалистического лагеря это, конечно, скандал. Мы при всем своем интернационализме и братстве, при похвальбе, что социалистическое содружество производит уже более 1\3 мировой продукции оказались не в состоянии «спасти» Польшу от голода. Впрочем, это и в самом деле было бы несправедливо. Они сами завалили свою страну, а мы должны из кормить! Дело отнюдь не в альтруизме и гуманизме. Но Запад может себе позволить такую помощь, какими бы целями ни руководствовался. А мы не можем даже из самых лучших, братских побуждений. И весь мир это видит.

По части же ракет Чаушеску, как и Буффалини, и Черветти, как и другие наши «друзья» по существу рекомендуют нам разоружаться – в военном, и политико-идеологическом плане – в порядке уступок и услащивания и американцев, и китайцев, и Европы, и МКД. Т.е. отказаться от принципа соотношения сил и от логики великой державы (впрочем, сейчас, реально, конкретно это означало бы отказ от «логики» реального социализма, отказ от классовой борьбы во имя спасения человечества от ядерной катастрофы).

7 августа 81 г.

Ужасный день. Финальный перед отъездом Б.Н. в отпуск. Шифровки лейбористам и Макленнану, Зародов – Гусак, новый проект о «раскрытии» некоторых наших оборонных цифр и названий ракет для пропаганды – горючее для антиракетного движения в Западной Европе. И главное – статья Пономарева для ПМС после его очередных капризов. Статья – сопоставление наших и американских заявлений и действий, чтоб «ответить» – кто виноват в военной угрозе.

10 августа 81 г.

Брежнев в телефонном разговоре с Каней сказал (это он повторил с нажимом на встрече с Хонеккером, Живковым): в зависимости от того, какой будет Польша, такими будут и отношения. Будет социалистической – отношения будут интернационалистическими; будет капиталистической – другие отношения и по государственной, и по экономической, и по политической линиям.

Из этого следует, что «допускается» превращение Польши в капиталистическую, т.е. исключается ввод войск. Это следует и по всей атмосфере, в какой обсуждается тема Польши на крымских встречах (с упомянутыми товарищами, а также с Кадаром, особенно даже с Гусаком, который пытался сбить Брежнева на интервенционистский настрой. Но тот ушел от прямого ответа). Больше того, Чаушеску пытался «ужесточить» отношения к Польше, все требовал: что-то надо делать, нельзя допустить и т.п. Брежнев его одернул: «Что ты, - говорит, - твердишь «сделать, сделать». У нас из-за Польши голова болит каждый день. А ты – «сделать»! Ну, сделай, предложи что-нибудь» (Чаушеску даже вызвался поехать в Варшаву).

Живкову Брежнев сказал про эти вскрики Николая: пустозвонство, ничего он не знает и не понимает про Польшу.

Положение в Польше и с Польшей действительно аховое. Но такой подход, какой предлагает Брежнев – единственно мудрый. Он же сказал, что взять Польшу на иждивение мы не можем.

На службе я остался один. Б.Н. уехал в Крым. Все бумаги, делегации и проч. – на меня. Встречался с испанцем Алонсо (генеральный секретарь рабочей комиссии Мадрида, член Секретариата общеиспанской рабочей комиссии, не переизбранный на X съезде КПИ в ЦК, главный «просоветчик» против Каррильо). Положение с партией – развал. А делать ничего не предлагает (в стратегическом плане!). «Обновленцы» (Аскарате, Браво и К^{о}) вместе с «официалистами» Каррильо низводят КПИ до социал-демократического статуса (за три года из партии ушло 50 %). Но это значит, сдать все позиции Филиппе Гонсалесу, нашему новому другу.

Прочел «Младший среди братьев» Г. Бакланова. Великолепная проза. Ни одной пустой фразы. И опять этот феномен: прочтя « Пядь земли» 20 лет назад, я впервые на страницах увидел «свое» восприятие войны. Теперь в этой книге, с той же точностью я прочел «свое» ощущение нынешнего состояния и быта, морали нашего современного общества.

10 октября 81 г.

Ровно два месяца не прикасался к дневнику. Надо теперь восстановить хоть пунктирно, что было.

С 14 по 21 августа был в Прибалтике, в своем любимом «Янтаре». Купание в холодной воде, прогулки и многокилометровая беготня по пляжу. Поездки в Кемери, Тукумс. Затем самолетом Рига – Симферополь перебрался в «Южный» (санаторий недалеко от Фороса). Много плавал и не переставал себе удивляться – стройный и молодой, и как Андре Мальро в 70 лет, которого там читал, «не признаю и не чувствую себя стариком».

Дочери Пономарева в этом же санатории. Приезд его самого с соседней «Дачи!» Ужин (мой) с Косуттой. Был еще Брутенц и киевский секретарь обкома, не помню фамилии, его жена и другие.

Прочел там Нечкину «День 14 декабря 1825». Еще кое-что открыл для себя в этой плутарховой (для нас) эпохе… На фоне другой прочитанной повести «Я из контрразведки» – другой эпохи, где в упрощенно-концентрированном виде дано наше новое, современное представление (и концепция) о людях нашей революции.

Уехал на два дня раньше намеченного срока в связи с приездом делегации Лейбористской партии – Фут, Хили и еще 11 человек парламентариев. Событие, как оказалось, поважнее Брандта.

Потом бешенная неделя по подготовке материалов к встрече с лейбористами. Мои сидения с Блатовым – подготовка памятки для Брежнева. Он – с его манерой вывертывать наизнанку каждое слово, обсмотреть его, а потом заменить другим – вымотал из меня все нервы. Но в целом получилось почему-то весомее и короче, солиднее. Он (по моей подсказке, что именно принадлежит Пономареву) убрал все его, Пономарева, «вклады», таким образом текст очистился от пропаганды, причем – вульгарно-пономаревского пошиба. Убрал (или упростил) некоторые и мои «художественные приемы»,хотя замыслы, с ними связанные, остались. И добавил (согласовав с Устиновым) - что самое важное - конкретные «уступки» по ракетам, которые и произвели наибольшее впечатление на Фута и К°, и на всю международную общественность.

Приезд делегации лейбористов 15 октября. Шереметьево. Игры Б.Н.'а – темнил с приемом у Брежнева. Переговоры на секретариате ЦК. Эффективность Загладина и Иноземцева. Метаморфоза лейбористов – прагматизм, цинизм, искренность.

Проблема «коммюнике», которую мы с Джавадом потом уладили за 20 минут в «Советской» на ужине. На другой день у Брежнева в Кремле, сразу после Политбюро. Три фото и проч. корреспондентов. «Дорогой товарищ Брежнев» – Фут обеими руками жмет руку Брежневу и это создает сразу нужную инерцию. Шок от того, что – ни идеологии, ни пропаганды… Ответ Фута – собственно, комментарий к тому, что говорил Брежнев. Но и реакция на напоминание о 1940-41 годах. Вторжение Хили – хитроумный ход с подменой того, что говорил накануне Иноземцев (о Брежневе на войне, о нем как руководителе оборонных дел, понимающем, что такое война и т.п.). Б.Н. испортил нам с Блатовым заключительную памятку Брежнева (который сидел ведь рядом), посоветовал ему снять игриво-интимные места, которые безусловно украсили бы финал.

Хили попросил текст произнесенного Брежневым, нахально прервав его на полуслове. Тот разрешил дать… В итоге: все очень понравились друг другу и «расстались друзьями». И Генсек тут же распорядился преподнести им подарки, которые оказались довольно дорогими.

Вечером прием в английском посольстве (я впервые там).

С 25 сентября по 4 октября – в Англии с Джавадом, на конференции Лейбористской партии.

Лондон: 25, 26, 27. Встреча (инструктивная) в посольстве. Разработка плана действий по итогам Фута и К° в Москве.

Затем поездка в Брайтон на саму конференцию. Встречи, митинги, прощания.

17 октября 81 г.

Лондон и Брайтон далеко позади. На работе – тексты, тексты, совсем другие. Б.Н. неугомонный придумал в ответ на Пентагоновскую «Советскую военную мощь» сделать контр-книгу по типу «Американская военная мощь». Подговорил Устинова. Я ездил к генералам на ул. Фрунзе в Генштаб. Обсудили план. К концу года издадим. А пока – статья в «Правде», которая вот-вот появится. Тоже подготовлена генералами, но потом я ее сильно правил. Вчера Б.Н. разослал ее по Политбюро.

Одновременно, на эту же тему «письмо братским партиям», которое мы сочинили за одни сутки в прошлую пятницу, а в генштабе выверяли наши цифры целую неделю.

Поток текущих дел и бумаг. Интервью Брежнева для «Шпигеля» в связи с предстоящим визитом в Бонн. Статьи Г. Миса для «Правды» и «Коммуниста». Я их отложил на потом, после визита.

Приветствия ЦК Макленнану в связи со съездом КПВ в ноябре и со 100-летием Галлахера (бывшего генсека КПВ). Бумага о согласии, наконец, включить в английское издание работу Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века», где он клевещет на Петра и Калиту, и вообще несет ненависть к России (был об этом крупный

разговор у меня с Макленнаном в Лондоне, но - угрожают прекратить все издание!). Думаю, Зимянин опять заартачится, будет шуметь, хотя Б.Н. вроде бы примирился.

И все это фактически приходится самому. Прав Жилин: структура Отдела, его состав страшно отстали от характера работы Отдела. Главное, что из него выходит, так или иначе должно проходить через консультантов, через меня, Загладина, Брутенца. Сектора в большинстве своем не приспособлены к литературно-политической работе, писать «на вынос» не умеют, но консультантов (настоящих) в Отделе – 4-5 человек! Оттого и страшные перегрузки у одних, и безделье - у большинства, при почти одинаковой зарплате.

Б.Н. собрался на съезд ФСП к Миттерану. И тут думает море поджечь, а главное - хочется во Францию. Коммунистов это озадачило, Гремец назвал (послу) «большим подарком» (уровень). Б.Н. долго колебался, но советовался не со мной. Тем более, что в проектах документов съезда порядочно и «советской угрозы», и «довооружения» (из-за СС-20), и атлантизма, и Афганистана, и Польши, и даже прав человека.

Пришел том I четырехтомника Байрона, «Дон-Жуан». Гениально все-таки. А читать хотя бы минимум из журналов и книг – совсем некогда. Плохо это.

Московские булочные оскудели, а к вечеру в них уже практически пустые полки. И уж тебе никакого хлебного разнообразия. А Суслов перед кафедрами общественных наук распинался в Кремле на днях о «зрелом» и «развитом» социализме. Даже Б.Н. рассказывал мне, какие замечания он делал по предварительному тексту и по просьбе докладчика. Горько и зло «усмехнулся» на этот счет: со мной такое себе позволяют (я то, мол, Секретарь ЦК, знаю действительное положение дел!).

5 декабря 81 г.

Вчера в Кремлевском дворце отмечалось 40-летие битвы под Москвой. Аплодисменты Сталину (показанному на экране). Бурные – в зале. Все встают. Удивление Брежнева: как это, мол, в честь кого-то еще могут вставать и устраивать овации. Нехотя приподнялся.

Почему-то Гришин не упомянул сибирские дивизии.

С одной стороны – да, хорошо, что чтут память о 41-ом годе. Но с другой, ностальгический патриотизм - единственное, что может сейчас вызывать неподдельные чувства единства.

А настоящее – в Москве уже нет масла…

Сегодня субботник. Давки в метро, а над эскалатором – Зыкина про «Малую землю»… Нарочно не придумаешь! Впрочем, заметил вчера в Кремле, не очень-то горячо хлопали при произнесении его (Брежнева) имени. Дежурно, по установившейся норме… При всем старании подхалимов битву под Москвой никак оказалось невозможно связать с его именем.

Но – окупится! Приближается его 75-летие!

23-28 ноября в Праге. Совещание 90 партий по журналу ПМС. Японцы нас крыли… Но все остальные – прелестно. И за Совещание МКД делегаций двадцать высказались. А зачем оно?.. И много ли значат многие из этих 90 партий?! Да и зачем красный флаг над действительно большим антивоенным движением.

Чехи. Чехословакия ломится от жира и довольства. 86 кг. мяса на душу населения. Рядом голодная и злая Польша. И все это – социалистическое содружество во главе с нами.

Меньшиков и Богданов в Венгрии на семинаре по американской политике в отношении Восточной Европы. Мой друг Дьюла Хорн высказался там о нашей политике в отношении «друзей»: «С союзниками так не поступают». И Венгрия обратилась в МВФ.

Выборы в Академию. Брутенц, Шмидт, Волобуев клянчат… К Б.Н.'у шлют меня замолвить за них туда. Стыд и срам. Впрочем, вписывается в общий нравственный распад. Трухановский рассказал, как Бромлей преграждает ему путь в академики: Рыбакову (академик – секретарь исторического отделения АН СССР) сказал, что у него (Трухановского) жена

еврейка. И тот стал проверять. Пригласил в гости с женой. А потом попросил, чтоб дочка, студентка истфака, подошла к нему на факультете. Трухановский написал записку, запечатанную, которую она должна была передать Рыбакову («Вашу просьбу, мол, выполняю. Вот моя дочь»). Не знаю, убедился ли Рыбаков, что обе - и жена, и дочь – еврейки. Как он будет теперь голосовать – неизвестно.

Б.Н. в самолете на обратном пути был откровенен и рассказал, что идеология и классовый подход в отношении Югославии в 1948 году – чистая липа. Просто Тито оказался слишком знаменитым! И Сталин сказал: «Пальцем шевельну – и его не будет».

Долго рассказывал нам о деле Сланского. Сам расследовал потом (после 1953 года), разговаривал с теми, кто вел следствие (кгбэшники) : и как на духу признали, что все - чистый фарс.

О Ласло Райке: все очень просто – воевал в Испании, а в 1948 году где-то случайно встретился с каким-то сербом, с которым вместе воевал в интербригаде. Вот и дело готово: «заговор».

Разошелся наш старик (Пономарев). И тем больше он являет собой загадку сталинской эпохи. Возмущен делом Сланского, но столь же негодует по поводу разоблачений, которые сделал чешский журналист своей книгой и фильмом «Признание»…, хотя там – чистая историческая правда. Здесь весь Пономарев – не хочет присутствовать при распаде «своей империи» (т.е. МКД) и поэтому верно служит тому, кто «сейчас» наверху.

Ноябрьский Пленум ЦК и сессия Верховного Совета. Опять все то же самое. «Лучше работать». Старческие призывы. И уже ни у кого охоты нет выступать хоть на 10 % откровенно, взывать, критиковать. Бессмысленно. А между тем по Москве идут разговоры «о цыгане». Это любовник дочери Брежнева. Давний. Муж – Чурбанов, которого сделали первым замом МВД и кандидатом в члены ЦК, в курсе и, конечно, терпит. Но этот цыган попался (в составе шайки) на валютных операциях с заграницей. Завели было дело. И вдруг… дело закрыли, а цыгана устроили артистом в Большой театр. Очень похоже, что не сплетня, учитывая любвиобилие Генерального по родственной части.

Навесили друг другу значки – «50-летие пребывания в КПСС»…

Рок-опера в Театре Ленинского комсомола «Юнона и Авось» по Вознесенскому. Талантливо, мощно, модерно-патриотично. Россия не погибнет, потому что при каждом кризисе она впадает в патриотизм, почти фанатичный.

Визит в Бонн.

Переговоры в Женеве о сокращении вооружений. О чем речь, когда 40 % нашего национального дохода идет на военно-промышленный комплекс. И необратимо… Вот в чем вопрос. Ибо – завоёвывать нас никто не собирается. Статья знаменитого Кеннана (мол, образумьтесь! О каких ценностях и тут и там вы печетесь? Что и вы, и они можете предъявить друг другу действительно заслуживающего того, за что стоило бы умереть!).

13 декабря 81 г.

Ходил в Манеж на выставку, посвященную 40-летию битвы за Москву. Жиденько. Самое интересное – фото. Живописного (современного для 1941-45) мало, по обстоятельствам времени. То, что написано сейчас, ходульно и нелепо – в нынешней эпигонско-условной манере. И половина выставки опять же посвящена Брежневу. Это ужасно, прежде всего с эстетической и этической точки зрения.

Сегодня Ярузельский объявил военное положение в Польше. Что-то будет? Но, кажется, сделано квалифицированно и выбран момент… Весь мир, наверно, беснуется. Думаю, однако, что сработает эффект Пилсудского. Недаром в недавней речи Ольшовский напомнил, почему пала шляхетская Польша.

Прочитал роман Евтушенко в № 10 «Москвы». Переложил на прозу все то, что 27 лет писал в стихах. Что бы там ни говорили и как бы ни поджимали губки, это общественная акция с очень смелыми, открытыми, хотя и банальными мыслями о нашем современном

состоянии. Чем бы он ни руководствовался, писатель должен выглядеть честным, иначе он не выполняет свою роль. Таков и есть Евтушенко… Он хочет дойти до конца, оставаясь самим собой.

Ю. Трифонов «Время и место», роман в 9-10 №№ «Дружбы народов». Талантливая ностальгия, не преодоленный комплекс переживания сталинизма. Но это уже скучно. Трифонову не хватило социального дыхания, в этом отношении он куда как слабее Бондарева, того же Евтушенко, да и других талантливых.

Увлекаюсь Коллингвудом («Идея истории»). Поразительно умная книга. И еще поразительнее то, что мне рассказал сегодня Карякин: он получил письмо от Дезьки, который пишет, что тоже увлекся Коллингвудом… Юрка заключил: если не сговорились, значит это потому, что «из одного лицея».

Заставили меня делать доклад на очередном партсобрании Отдела по ноябрьскому Пленуму ЦК. Опять, уже в третий раз, я буду блистать пессимизмом, этим и нравлюсь, сообщая то, что в печать на эту тему не попало. А заниматься демагогией не могу.

Попалась под руку купленная в ЦК'овском киоске в 1963 году единственная книжечка стихов Коржавина. Стал опять листать. До слез сильные вещи – особенно о России, о Бородино, о русской интеллигенции, о патриотизме… И этот поэт стал диссидентом, уехал, загубил свой огромный талант… еврей, заглянувший в суть нашей великой истории, воспринявший Россию, как свое, главное, неповторимое и великое и вот, пожалуйста, «разбился о быт»…

Статья о Бодлэре в сборнике 1970 года, «Цветы зла».

29 декабря 81 г.

Я в отпуску. Но выполнял просьбу Б.Н.'а - прошелся по рукописи, которую он хочет издать в США (и уже нашел издателя) – о научном коммунизме. Местами даже любопытно. По большей части примитив на уровне вузовского учебного пособия. Но для Запада может оказаться интересной: что думают сами московские коммунисты (один из руководителей команды), о марксизме-ленинизме сегодня…

В общем он ухватил потребности рынка. Набирает и набирает сочинения, чтоб остаться в истории… А из 325 страниц им самим там написано едва ли десяток. Ковальский был «бригадиром». Я вызывал Амбарцумова, Вахромеева. Кто-то и без моего ведома руку прикладывал, изображалось это, как поручение ЦК и, конечно, не говорилось, что для книги («авторской») Пономарева. С миру по сосенке… и получилась еще одна книжка в его уже шести томном собрании сочинений.

Методика свидетельствует не только о его личном презрении к людям, но и об общей атмосфере – когда считается нормальным писать для начальства, а начальству – в открытую заказывать, даже требовать и не стесняться признавать, что это не самим им написано.

75-летие Брежнева – всесоюзное и даже интернациональное бесстыдство. Если сопоставить, что было ровно 30 лет назад по случаю 70-летия Сталина, то последний покажется величайшим скромником. Только что не было слов «вождь» и «великий». Все остальное – много больше, чем выдавалось Иосифу Виссарионовичу. «Титанический труд на благо народа»… это произносится на фоне, когда даже в Москве нет масла, когда с полок магазинов убрали конфеты, чтоб осталось, что продавать в самый канун Нового года, когда в столице запрещено продавать больше двух батонов хлеба в одни руки, полкило колбасы, если она вообще появляется и проч.

Послесловие к 1981 году.

Это год XXVI съезда КПСС. Вся суета с его подготовкой (в которой пришлось участвовать и автору записей) лишний раз обнажила бюрократически-искусственный характер этого события с заранее детально проработанным результатом. Чистая символика, освященная традицией Великой Революции, но она много значила для миллионов членов партии, которые таким образом демонстрировали свой особый статус в обществе. И для самого этого общества, привыкшего к институту гегемонии, «решающей роли», съезд «ленинской партии» всегда был знаком надежды.

Съезд любопытен с точки зрения ситуации в международном коммунистическом движении. Для КПСС присутствие почти полутора сотен «братских» делегаций служило доказательством, что СССР сохраняет положение (облик) «великой идеологической державы». Поэтому столько ухищрений – чтобы никого из приехавших приветствовать съезд не обидеть, но – и не выпускать наружу разногласий, которых накопилось в МКД немало.

Что касается самих «братских партий», для них (во всяком случае – для многих) XXVI съезд представлял трудный рубеж, когда надо было определяться.

Идеологически многие давно разошлись с КПСС. Разоблачения сталинистского характера советского строя, получившие дополнительный стимул после подавления «Пражской весны», диссидентское движение, Солженицын и Сахаров, репрессии по идейно-политическим мотивам, еврейский вопрос и по сути официальный антисемитизм, права человека и очевидная ущербность советской демократии, экономическая деградация, окончательно похоронившая претензии СССР догнать Запад по уровню жизни – все это , plus Афганистан и другие глупости на внешней арене, оставили от былого авторитета и притягательности Страны Советов лишь ее государственную, по сути – вооруженную мощь.

И компартиям надо было, наконец, выбирать («еврокоммунизм» положил заманчивое начало этому процессу) между отождествлением себя с реальной демократией, что сулило какую-то надежду на возрождение влияния в массах своей страны, и преданностью сверхдержаве, «отраженный свет» которой придавал значимость этим (часто совсем ничтожным) партиям в глазах официального Запада и среди общественности.

Отказ от верности и связей с КПСС в пользу «чистоты» первоначальных (демократических по сути) идей коммунизма чреват был не только потерей этой значимости (пусть обманчивой), но и исчезновением материальной поддержки со стороны КПСС, от которой зависело само существование большинства, особенно малых и средних, компартий.

В томе много подробностей того, как «встречными усилиями» удалось предотвратить явные разрывы и к обоюдному успокоению сохранить видимость единства МКД.

В 1981 году, как и в предыдущих, временами «проскакивают» в верхнем эшелоне советского руководства проблески отхода от жесткого идеологического ригоризма. Впрочем, это заметно больше у самого Брежнева, положение которого в партийной иерархии позволяло ему вести себя свободнее, не кланяться по каждому случаю священным иконам, решать вопросы прагматично и реалистически. Он, например, отказался повторить «1968 год» в Польше, для него характерны были безразличие к тому, чем занимаются коммунистические партии, неприязнь к разным международным с ними совещаниям, готовность идти на контакты с социал-демократией и т.п.

Впрочем, частично это можно приписать растущему интеллектуальному «обесточиванию» Генсека. У него уже мало до чего доходили руки (и мозги). Он почти лишился способности артикулировать свои мысли. Однако такие вещи, как отказ от интервенции в Польшу, - это его безусловная личная заслуга. Его упорно толкали, в том числе Гусак и Чаушеску, поступить «по-прежнему».

Ужесточался политический контроль над обществом, множились преследования за явный антисоветизм. В то же время удивительным образом ослабевала цензура над художественным творчеством, в литературе, в издательском деле. Эзоповский стиль становился настолько прозрачным, что подлинный смысл виден был «невооруженным

глазом». Однако те, «кому положено», часто предпочитали закрывать глаза на эту, по сути, оппозицию «социалистическому» режиму. Власти, казалось, теряли уверенность в себе, в своей безусловной правоте, будто чувствовали приближение перемен.

Том включает личные наблюдения и размышления по поводу упадка страны, утраты ею жизнеспособности, восполняемой бутафорией и демагогией.

Раздвоенность сознания и двойственность самооценки делали все более трудным участие в циничной и безнадежной политической игре не только для автора записей, но и для все большего числа людей, причастных к политике и к общественной науке.